

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ LXXIX

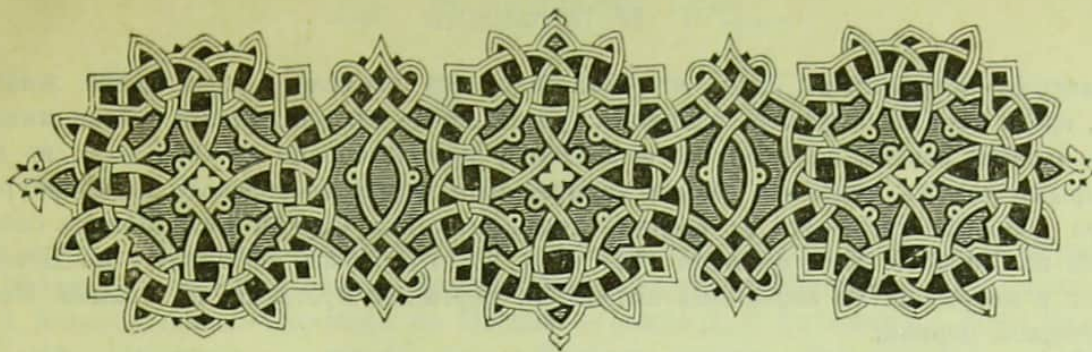
1900

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1900

ВОСПОМИНАНІЯ С. М. ЗАГОСКИНА.

ВТОРЪ печатаемыхъ «Воспоминаній», Сергѣй Михайловичъ Загоскинъ, былъ третій, младшій, сынъ извѣстнаго нашего романиста, автора «Юрія Милославскаго», Михаила Николаевича Загоскина.

Сергѣй Михайловичъ родился въ Москвѣ 15-го мая 1833 г. и получилъ домашнее воспитаніе; въ 1849 году онъ выдержалъ установленное испытаніе и опредѣлился на государственную службу въ Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Крымская война привлекла молодого человѣка въ ряды войскъ, и въ 1855 году онъ поступилъ въ Московское ополченіе, а по расформированіи послѣдняго возвратился къ гражданской службѣ, именно опредѣлился въ канцелярію московскаго гражданскаго губернатора.

Въ 1857 году, Сергѣю Михайловичу представилась возможность переселиться въ Петербургъ, и вслѣдъ затѣмъ высочайшимъ приказомъ отъ 19 марта 1857 г. онъ былъ назначенъ состоять при статсъ-секретарѣ баронѣ М. А. Корфѣ для занятій по собиранію матеріаловъ къ біографіи императора Николая I. Этими работами Сергѣй Михайловичъ занимался одновременно съ А. О. Бычковымъ, В. В. Стасовымъ, К. О. Феттерлейномъ и другими лицами въ теченіе 29 лѣтъ, сперва подъ наблюденіемъ барона Корфа, затѣмъ князя С. Н. Урусова и наконецъ графа И. Д. Делянова. Какъ извѣстно, результатомъ этихъ занятій было составленіе 32 рукописныхъ томовъ матеріаловъ, которые впоследствии, по волѣ въ Бозѣ почившаго императора Александра III, поступили въ распоряженіе Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Въ 1886 году, когда прекращены были эти работы, Сергѣй Михайловичъ оставилъ государственную службу. Въ теченіе ея онъ неоднократно получалъ высочайшія награды, какъ орденами, такъ и подарками изъ Кабинета Его Величества; сверхъ того, онъ былъ пожалованъ въ званіе камергера высочайшаго двора; при отставкѣ же, въ 1886 году, получилъ чинъ тайнаго совѣтника.

Съ 1886 года здоровье Сергѣя Михайловича Загоскина стало приходить въ разстройство, такъ что, оставивъ службу, онъ принужденъ былъ переселиться за границу; такому рѣшенію содѣйствовало и состояніе здоровья его супруги, Анны Семеновны, дочери генераль-адъютанта С. А. Юркевича, съ которою Сергѣй Ми-

хайловичъ вступилъ въ бракъ въ 1865 году. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ, среди своихъ болѣзней, находилъ удовольствіе въ составленіи «Воспоминаній» о своей жизни, которыя, къ сожалѣнію, довелъ только до 1857 года, но въ которыхъ успѣлъ намѣтить многія характерныя черты московскаго и петербургскаго общественнаго быта въ срединѣ текущаго вѣка. Сергѣй Михайловичъ скончался въ Парижѣ 25-го февраля 1897 года. Тѣло его было перевезено въ Петербургъ и погребено въ семейномъ склепѣ въ Сергіевой пустыни, въ нижней Воскресенской церкви.

Покойный наслѣдовалъ отъ своего отца необыкновенную доброту, веселый нравъ, снисходительность къ людямъ: эти черты его характера отражаются и въ его «Воспоминаніяхъ», въ которыхъ очень много добродушія, и не найдется ни одного слишкомъ рѣзкаго отзыва. Всѣ знавшіе покойнаго Сергѣя Михайловича цѣнили его прекрасныя душевныя качества и сохранили самую лучшую память объ этомъ достойномъ человѣкѣ.

Проживъ болѣе полвѣка, я нашелъ не безъ интереса набросать воспоминанія хотя о части пройденной мною жизни. Жизнь моя, какъ жизнь всякаго частнаго человѣка, ничѣмъ не ознаменовавшаго себя на жизненномъ пути, не представляетъ ни для кого ни малѣйшаго интереса, но, родившись сыномъ русскаго писателя, пользовавшагося въ свое время большою извѣстностью среди читающей публики и даже среди всего русскаго грамотнаго народа, я считаю не излишнимъ рассказать о томъ, что было мнѣ извѣстно о жизни отца, съ которымъ я ни на одинъ день не разлучался по самую его смерть, послѣдовавшую, когда мнѣ минуло 19-ть лѣтъ. Характеръ, образъ мыслей и самыя привычки выдающагося писателя представляютъ несомнѣнный интересъ не только для его біографовъ, но и для всѣхъ читателей, такъ какъ мельчайшія подробности о его жизни, извѣстныя лишь лицамъ, бывшимъ въ постоянномъ съ нимъ прикосновеніи, могутъ немало способствовать къ опредѣленію и оцѣнкѣ его произведеній, истекавшихъ прямо изъ личныхъ убѣжденій характера и кругозора самого автора.

Позднѣе, послѣ кончины отца, мнѣ въ молодости удалось вернуться въ московскомъ обществѣ и затѣмъ принимать участіе въ Крымской кампаніи, и наконецъ поступить на службу въ Петербургъ. За всѣ юные годы московской и петербургской жизни мнѣ случалось видѣть и знать множество людей, пользовавшихся въ свое время извѣстностью и игравшихъ большую роль въ нашей администраціи. Вообще же, въ моихъ воспоминаніяхъ я не касаюсь ни политическихъ событій, ни историческихъ происшествій, я описываю только всѣ случаи и приключенія моей собственной жизни, какъ жизни, которая всякаго можетъ навести на поучительныя наставленія для дальнѣйшей собственной жизни.

I.

Мои предки.—Дѣдушка и бабушка.—Мой отецъ.—Его дѣтство и юность.—Служба въ Петербургѣ.—1812-й годъ.—Литературныя занятія.—Женитьба.—Моя мать.—Д. А. Новосильцевъ.—Переѣздъ въ Москву.—Князь Д. В. Голицынъ.—Юрій Милославскій.—Перемѣна въ жизни отца.—Болѣзнь матери.—Мое рожденіе.—Новая болѣзнь матери.—Кончина Новосильцева.

Родъ Загоскиныхъ принадлежитъ къ одной изъ древнихъ русскихъ дворянскихъ фамилій. Родоначальникъ ихъ Шевкаль Загоръ прибылъ въ 1472 году изъ Золотой Орды къ великому князю Іоанну III и, наименованный во св. крещеніи Александромъ Акбулатовичемъ съ прозваніемъ Загоска, былъ жалованъ помѣстьями въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Обонежской пятинѣ. Изъ потомковъ его, называвшихся Загоскиными, многіе служили воеводами и стольниками, а нѣкоторые находились при разныхъ посольствахъ. Въ началѣ, родъ Загоскиныхъ былъ весьма малочисленъ, такъ что, въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, представителемъ его остался одинъ Дмитрій Ѳеодоровичъ, стольникъ и воевода на Нерехтѣ. Впослѣдствіи у него былъ сынъ Алексѣй, служившій тоже стольникомъ и убитый подъ Смоленскомъ. Единственный сынъ Алексѣя, мой прапрадѣдъ, Лаврентій Алексѣевичъ, находился въ военной службѣ, но гдѣ именно—мнѣ неизвѣстно; повидимому, онъ былъ въ числѣ лицъ, приближенныхъ къ царицѣ Марѣѣ Матвѣевнѣ, такъ какъ она выдала за него свою крестницу, дочь шведскаго генерала Эссенъ, взятую въ плѣнъ подъ Полтавою и подаренную Петромъ I. Самъ государь былъ посаженнымъ отцомъ новобрачной и благословилъ ее образомъ, хранящимся и понынѣ въ потомствѣ старшаго изъ двухъ сыновей Лаврентія Алексѣевича—Николая, оставившаго отъ брака съ дѣвицею Масловою многочисленное потомство, проживающее донинѣ, большею частью, въ г. Пензѣ и въ родовыхъ своихъ имѣніяхъ этой губерніи. Другой сынъ Лаврентія Алексѣевича, Михаилъ, былъ женатъ на богатой дѣвицѣ изъ древняго рода Бѣльскихъ и имѣлъ единственнаго сына Николая, моего дѣда, родившагося 24-го октября 1761 года.

О жизни и службѣ моего прадѣда я не имѣю никакихъ свѣдѣній; мнѣ только извѣстно, что онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, вскорѣ послѣ рожденія своего единственнаго сына. Вслѣдъ за прадедомъ скончалась и его вдова, оставивъ своему малолѣтнему сыну большія и значительныя имѣнія въ Пензенской губерніи. Осиротѣвшій ребенокъ былъ взятъ на воспитаніе своимъ родственникомъ Засѣцкимъ, проживавшимъ въ своихъ помѣстьяхъ Пензенской губерніи, и у котораго онъ оставался до 16 лѣтняго возраста. Воспитаніе дѣда шло болѣе чѣмъ плохо: отсутствіе всякаго надзора,

безотчетная свобода дѣйствій, шалости и игры въ обществѣ многочисленной дворни, имѣли пагубное вліяніе на его нравственное развитіе, такъ что, поступивъ 16 лѣтъ на службу въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, онъ немедленно предался полнѣйшему разгулу въ кругу молодыхъ петербургскихъ кутилъ того времени. Разгулъ, по собственнымъ его словамъ, былъ столь великъ, что долго продолжаться не могъ. Будучи характера крайне своеобразнаго и самовольнаго, но, къ счастью, обладая здравымъ умомъ и сильною волею, дѣдъ вскорѣ почувствовалъ всю неприглядность своей безнравственной жизни и, возгнушавшись всего, что незадолго передъ тѣмъ составляло ея прелесть, рѣшилъ разомъ навсегда покончить съ своею обстановкою, посвятивъ себя уединенію и молитвѣ... рѣшеніе было круто и энергично: онъ вышелъ въ отставку, роздалъ большую часть своего состоянія небогатымъ своимъ родственникамъ и отправился на жительство въ Саровскую пустынь, гдѣ въ то время находился извѣстный строгій подвижникъ, отецъ Серафимъ. Построивъ собственноручно, вмѣстѣ съ Серафимомъ, келью и сдѣлавшись неразлучнымъ его товарищемъ, молодой отшельникъ вполне подчинился строгому монастырскому уставу. Препровождая время въ молитвѣ и постѣ и ревностно исполняя тяжелыя, возлагавшіяся на него послушанія, онъ вскорѣ приобрѣлъ искреннюю дружбу и уваженіе Серафима. Нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ дѣдомъ въ Саровской пустынѣ, совершенно согласовались съ тогдашнимъ его душевнымъ настроеніемъ и, казалось, служили ему подготовленіемъ къ дальнѣйшимъ отшельническимъ подвигамъ... но молодость взяла свое! Получивъ письмо отъ своихъ родственниковъ Засѣцкихъ, приглашавшихъ его къ себѣ въ деревню для какихъ-то необходимыхъ денежныхъ расчетовъ, Николай Михайловичъ съ стѣсненнымъ сердцемъ и великою грустью покинулъ на время обитель и поѣхалъ къ нимъ въ Пензенскую губернію. Прогостивъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, молодой послушникъ грустилъ по своей уединенной келии и по своему товарищѣ Серафимѣ, но, мало-помалу, привыкнувъ къ новой обстановкѣ, среди сельскихъ развлеченій, сталъ забывать пустынь, келью и Серафима... наконецъ, въ сердце его запылала искра теплой и нѣжной любви! — онъ полюбилъ молодую дѣвицу, воспитанную въ правилахъ высокаго благочестія, Наталью Михайловну Мартынову. Любовь эта рѣшила дальнѣйшую его службу: онъ сбросилъ монашескую рясу, покинулъ навсегда Саровскую пустынь и женился на Мартыновой¹⁾.

¹⁾ Отецъ Натальи Михайловны, Михаилъ Ильичъ Мартыновъ, довольно богатый помѣщикъ Пензенской губерніи, имѣлъ отъ трехъ браковъ двадцать пять человѣкъ дѣтей. Изъ сыновей его были извѣстны: въ московскомъ обществѣ — Соломонъ Михайловичъ, а въ петербургскомъ — Савва Михайловичъ. Первый проживалъ въ Москвѣ и составилъ себѣ, черезъ откупа, значительное состояніе. Онъ

Послѣ женитьбы Николай Михайловичъ поселился въ Пензѣ, проживая по лѣтамъ въ родовомъ помѣстїи Пензенскаго уѣзда, с. Рамзаѣ. Несмотря на свой причудливый и нѣсколько деспотическій характеръ, онъ до конца жизни былъ хорошимъ мужемъ и добрымъ попечительнымъ отцемъ. Семейство его состояло изъ семи сыновей и двухъ дочерей¹⁾.

Вскорѣ послѣ отечественной войны дѣдъ мой переѣхалъ изъ Пензы на жительство въ Петербургъ, гдѣ въ то время сыновья его находились на службѣ или въ учебныхъ заведенїяхъ. Въ Петербургѣ онъ нанялъ, на Невскомъ проспектѣ, близъ Надеждинской, обширный бельэтажъ въ домѣ Яковлева (находящемся и понынѣ за потомками того же владѣльца и той же фамиліи) и хотъ не имѣлъ прежняго значительнаго состоянїя, но зажилъ, однако, довольно широко, принимая гостей и нерѣдко устраивая у себя домашніе спектакли. Проживая съ 1815 по 1820 годъ, вмѣстѣ съ старшимъ своимъ сыномъ Михаиломъ Николаевичемъ, въ то время, уже начинавшимъ возвращаться въ кругу литераторовъ, дѣдъ мой составилъ себѣ общество преимущественно изъ сихъ послѣднихъ. Въ домашнихъ его спектакляхъ принимали участіе Крыловъ, Гнѣдичъ, Жуковский и другіе, а декораціи для сцены писалъ юноша,

былъ женатъ на Елизаветѣ Михайловнѣ Тарновской и имѣлъ трехъ сыновей и пять дочерей. Сыновья его были Михаилъ, женатый на Ушаковой, Николай (убившій на дуэли Лермонтова)—на Проскуровой и Дмитрій—на Демидовой. Дочери, Елизавета—за Шереметевымъ, Екатерина—за Ржевскимъ, Юлія—за княземъ Гагаринымъ, Наталья—за французомъ графомъ Турдонэ и Марія—за англійскимъ банкиромъ Берингомъ.

Савва Михайловичъ, проведеншій всю жизнь въ Петербургѣ, былъ женатъ на Марїи Степановнѣ Поскочиной и извѣстенъ своею крупною, карточною игрою. Сынъ его Николай, офицеръ гвардейской артиллерїи, пользовался большою извѣстностью своею замѣчательною игрою на фортепіано. Дочери Саввы Михайловича были въ замужествѣ: Марія—за Бемомъ, Анна—за княземъ Багратиономъ и одна (не помню, какъ звали) за генераломъ Анненковымъ. О бабушкѣ моей Натальѣ Михайловнѣ, родившейся 26-го декабря 1770 г., люди, близко ее знавшіе, отзывались, какъ о женщинѣ умной, любезной и добродѣтельной, что и подтвердили въ своихъ воспоминанїяхъ извѣстный поэтъ князь И. М. Долгорукій и Ф. Ф. Вигель, хорошо знавшіе ее во время своего пребыванїя въ Пензѣ.

¹⁾ Сыновья: 1) Михаилъ, мой отецъ. 2) Маркель, женатый на Любови Сергѣевнѣ Олсуфьевой, офицеръ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, а потомъ пензенскій уѣздный предводитель дворянства. 3) Василій, офицеръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, а затѣмъ умершій въ должности командира Азовскаго полка. 4) Павелъ, офицеръ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, умершій юношею. 5) Николай, женатый на Екатеринѣ Дмитриевнѣ Мертваго (дочери сенатора). 6) Алексѣй, женатый на Александрѣ Ивановнѣ Эмме (дочери рижскаго коменданта) и 7) Иллїодоръ, женатый на дворянкѣ польскаго происхожденїя Эмилии Александровнѣ Изеншмидтъ. Три послѣдніе служили въ корпусѣ путей сообщенїя. Дочери: Софія въ замужествѣ за пензенскимъ помѣщикомъ Ступицинымъ и Варвара въ первомъ бракѣ за Охлябиннымъ, а во второмъ за Александромъ Алексѣевичемъ Панчулидзевымъ, бывшимъ болѣе двадцати пяти лѣтъ пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

обладавшій уже тогда значительнымъ талантомъ; фамилія его была Брюло¹⁾.

Въ 1820 году, Николай Михайловичъ, послѣ женитьбы двухъ старшихъ сыновей, снова возвратился въ любимую имъ Пензу и скончался тамъ 24-го апрѣля 1824 года, а бабушка умерла тамъ же 17-го марта 1833 года.

Отецъ мой, Михаилъ Николаевичъ, родился въ с. Рамзаѣ 14-го іюля 1789 года. Воспитаніе онъ получилъ дома и большею частью въ деревнѣ; но образованіе его шло такъ же плохо, какъ и образованіе его отца; за то все вниманіе родителей было обращено на развитіе нравственной стороны ребенка. Съ дѣтскихъ лѣтъ, чувствуя не только влеченіе, но просто страсть къ чтенію, Михаилъ Николаевичъ посвящалъ все свое время чтенію книгъ изъ довольно обширной бібліотеки своего отца, состоявшей большею частью изъ книгъ серьезнаго направленія. Такимъ образомъ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, не получая никакого научнаго образованія, онъ, по собственному влеченію, постояннымъ чтеніемъ нѣсколько пополнялъ недостатокъ своихъ познаній и, притомъ, обладая замѣчательною памятью, помнилъ все прочитанное. Изъ иностранныхъ языковъ его учили лишь французскому и то поверхностно; впослѣдствіи, въ зрѣломъ возрастѣ, онъ зналъ основательно этотъ языкъ, но въ разговорѣ дѣлалъ часто ошибки.

Одиннадцати лѣтъ, онъ въ первый разъ попробовалъ написать рассказъ подъ названіемъ «Пустынникъ». Это дѣтское произведеніе было настолько хорошо написано, что родители автора и всѣ ихъ знакомые не хотѣли вѣрить, чтобы подобное сочиненіе могло выйти изъ-подъ пера одиннадцатилѣтняго ребенка.

Въ маѣ 1802 года, Михаилъ Николаевичъ, не достигнувъ еще и тринадцатилѣтняго возраста, былъ отправленъ въ Петербургъ для поступленія на гражданскую службу. Въ спутники ему, сверхъ дядьки его, Прохора Кондратьевича²⁾, былъ данъ уѣзжавшій одновременно съ нимъ изъ Пензы въ Петербургъ, внучатный братъ его, юный Филиппъ Филипповичъ Вигель, впослѣдствіи извѣстный своимъ просвѣщеннымъ, но ѣдкимъ умомъ, авторъ весьма интересныхъ записокъ. Съ раннихъ лѣтъ, отецъ мой, здоровый, крѣпкій и замѣчательно сильный мальчикъ, чувствовалъ особое влеченіе къ военной службѣ и неотступно просилъ своихъ родителей опредѣлить его въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, но они, неизвѣстно почему, не исполнили его желанія, хотя нѣкоторые изъ братьевъ его, изъ

¹⁾ Подробности эти извѣстны мнѣ изъ краткихъ записокъ Николая Михайловича, писанныхъ изрѣдка на маленькихъ листкахъ бумаги и хранившихся у дочери его Панчулидзевой. Впрочемъ, записки эти не представляютъ особаго интереса, касаясь преимущественно семейныхъ дѣлъ.

²⁾ Этотъ дядька выведенъ Михаиломъ Николаевичемъ въ его романѣ «Кузьма Петровичъ Мирошевъ».

которыхъ одинъ даже пользовался слабымъ здоровьемъ, были опредѣлены въ военную службу, а прочіе отданы въ корпусъ путей сообщенія.

По прїѣздѣ въ Петербургъ, Михаилъ Николаевичъ, по ходатайству стараго знакомаго его родителей, богатаго откупщика Злобина (свояка Сперанскаго), былъ опредѣленъ въ канцелярію государственнаго казначея канцеляристомъ, откуда, по производствѣ въ сенатскіе регистраторы, переведенъ въ горный департаментъ, а потомъ въ государственный заемный банкъ и, затѣмъ, передъ отечественною войною, перешелъ снова въ департаментъ горныхъ дѣлъ съ чиномъ губернскаго секретаря.

Про эти первые годы петербургской жизни моего отца я ничего не знаю; онъ мало о нихъ вспоминалъ и только иногда рассказывалъ, что жилъ тогда болѣе чѣмъ скромно, имѣлъ мало знакомыхъ, усердно трудился на службѣ, много писалъ маленькихъ рассказовъ и повѣстей и постоянно нуждался въ средствахъ къ жизни.

Получая отъ своего родителя всего 300 р. ассигнаціями въ годъ и нѣсколько десятковъ рублей казеннаго содержанія, онъ, въ сильные морозы, не разъ оставался въ неотапленной квартирѣ и даже, однажды, изнемогая отъ холода, рѣшился, за неимѣніемъ денегъ, истопить печи деревянными стульями, составлявшими часть мебели его неприхотливой квартиры.

Въ 1812 году, при формированіи ополченій, Михаилъ Николаевичъ, въ чинѣ коллежскаго секретаря, поступилъ въ ополченіе С.-Петербургской губерніи подпоручикомъ и принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Полоцкомъ и другихъ мѣстахъ. Подъ Полоцкомъ, получивъ сильную контузію въ ногу, онъ былъ пожалованъ, за храбрость, орденомъ св. Анны на шпагу. Контузія лишила его надолго возможности участвовать въ дальнѣйшихъ, военныхъ дѣйствіяхъ.

Приведу, при семъ, случай, доказывающій огромную память отца въ молодыхъ его лѣтахъ. Во время продолжительнаго лѣченія контузіи въ лазаретѣ онъ какъ-то сказалъ одному изъ своихъ раненыхъ товарищей, что можетъ въ короткое время выучить наизусть весь лексиконъ французскихъ словъ. Товарищъ не повѣрилъ, заспорилъ, побился о какой-то закладъ и проигралъ его: отецъ выучилъ въ назначенный срокъ весь лексиконъ и, заставивъ проэкзаменовать себя, блистательно выдержалъ экзаменъ¹⁾.

Послѣ сдачи Данцига, по распущеніи ополченія, Михаилъ Николаевичъ возвратился въ Россію и прожилъ нѣкоторое время у

¹⁾ И. П. Панаевъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, упомянулъ объ этомъ обстоятельстве, но не вѣрно: онъ говоритъ, что М. Н., не зная въ дѣтствѣ французскаго языка, изучилъ для сего французскій лексиконъ вскорѣ послѣ своего назначенія директоромъ Московскихъ театровъ. Это ошибочно: дѣло было, какъ мною рассказано со словъ самого Михаила Николаевича.

своихъ родителей въ с. Рамзаѣ, гдѣ и написалъ комедію подъ названіемъ «Комедія противъ комедіи» или «Урокъ волокитамъ».

Піеса эта, игранная въ Петербургѣ, понравилась публикѣ, имѣла большой успѣхъ, долго не сходила съ репертуара и доставила автору нѣкоторую извѣстность среди драматическихъ писателей того времени, но, будучи написана въ защиту «Липецкихъ водъ», комедіи князя А. А. Шаховскаго, принадлежавшаго къ литературному кружку Шишкова, враждебному знаменитому кружку «Арзамасцевъ», приобрѣла ему немало враговъ изъ послѣдняго кружка.

Всѣ члены «Арзамаса», за исключеніемъ Жуковскаго и Вигеля, сдѣлались сильными порицателями драматическаго таланта отца, и въ особенности ожесточался противъ него Грибоѣдовъ, который, однако, позднѣе, познакомившись съ нимъ, полюбилъ его и остался въ пріятельскихъ съ нимъ отношеніяхъ вплоть до своей трагической кончины ¹⁾.

Въ 1815 году, Михаилъ Николаевичъ былъ помолвленъ на пятнадцатилѣтней дочери стараго знакомаго своего отца, богатаго помѣщика Чихачева. Молодые люди не чувствовали къ другъ другу никакого влеченія и должны были вступить въ бракъ единственно въ угоду и по приказанію своихъ родителей. Къ счастью, бракъ этотъ, по настоянію жениха, не состоялся, и въ слѣдующемъ году Михаилъ Николаевичъ, по собственному влеченію и выбору своего сердца, женился на незабвенной моей матери, память о которой для меня сохранилась не только, какъ о женщинѣ умной, просвѣщенной, но и рѣдкой христіанкѣ, заслуживающей, безъ малѣйшаго преувеличенія, названія святой женщины.

Мать моя, обязанная бытіемъ своимъ бригадиру Дмитрію Александровичу Новосильцову, была возведена, въ младенчествѣ, въ дворянское достоинство съ фамиліей Васильцовской ²⁾ и со дня своего рожденія (26-го іюня 1792 года), находясь безотлучно при отцѣ, получила тщательное воспитаніе: она прекрасно владѣла француз-

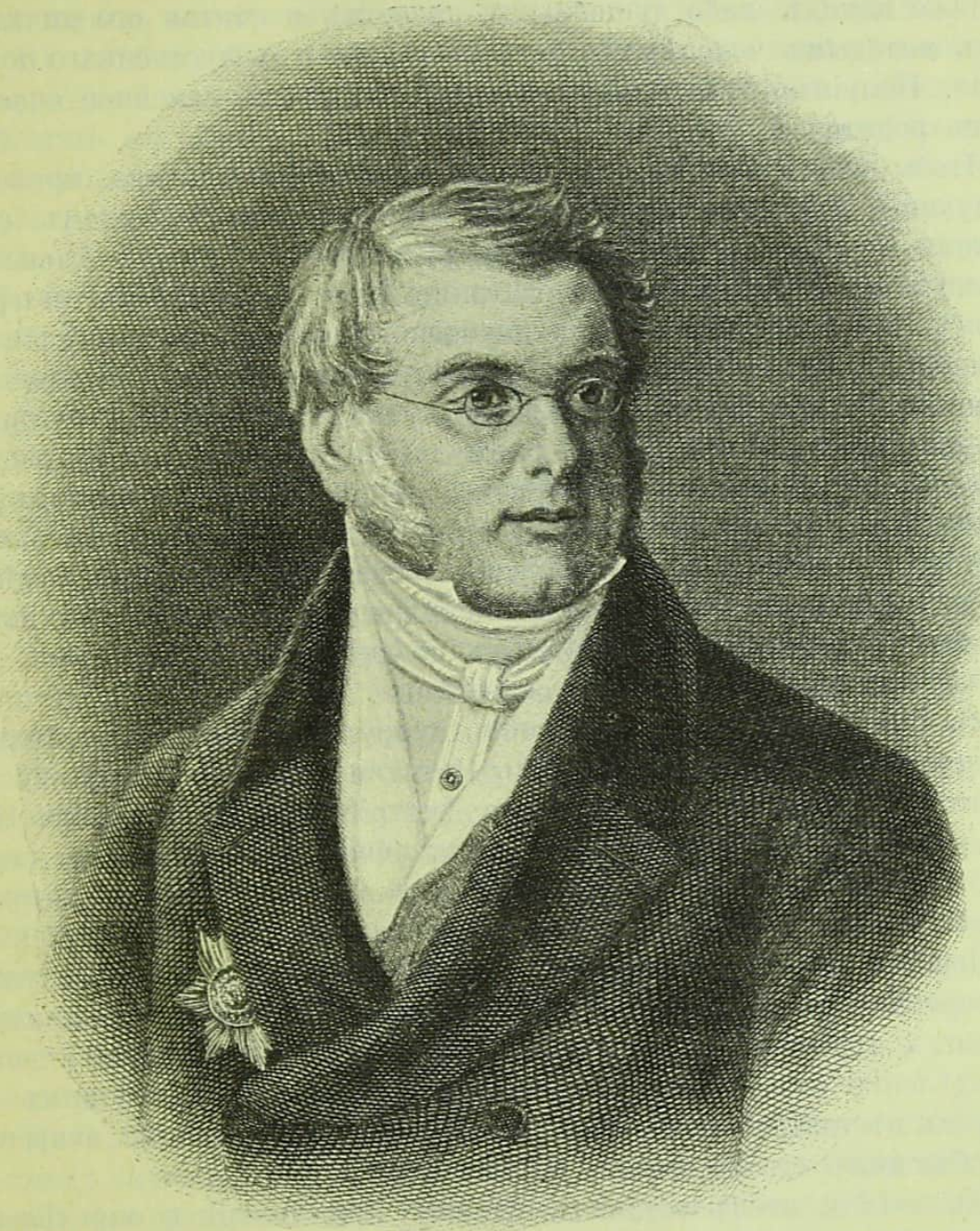
¹⁾ Въ Императорской Публичной библіотекѣ хранится переданное мною туда нижеслѣдующее стихотвореніе Грибоѣдова, писанное имъ въ формѣ письма къ моему отцу, служившему въ то время при Московскомъ театрѣ:

«Бичъ пороковъ и блиновъ!
Нынѣ Щепкинъ угощаетъ
И пріятельскій свой зовъ
Черезъ меня онъ посылаетъ.
Пріѣзжай насъ позабавить,
Аппетиту намъ прибавить
И съѣстнаго поубавить!»

²⁾ У Новосильцова былъ еще сынъ, родной братъ Анны Дмитріевны, Александръ Дмитріевичъ Васильцовскій, служившій въ молодости въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а впослѣдствіи бывший камергеромъ высочайшаго двора и преемникомъ моего отца по управленію имъ Московскими театрами.

скимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ языками, отлично пѣла, играла на фортепіано и рисовала, какъ артистъ.

При глубокомъ умѣ, обладая рѣдкими душевными качествами и замѣчательною красотою, она была до крайности застѣнчива, вслѣдствіе чего казалась нѣсколько необщительною, и только люди, близкіе

Михаиль Николаевичъ Загоскинъ.

знавшіе ее, могли оцѣнить рѣдкое сердце и безконечную чисто христіанскую любовь ея къ ближнему. Отецъ мой нѣсколько разъ сватался за Анну Дмитріевну и, несмотря на то, что Новосильцовъ былъ старый пріятель и товарищъ по полку съ дѣдушкою Николаемъ Михайловичемъ, онъ ни за что не соглашался выдать ее за

его сына, и лишь по настоятельному и непреклонному желанію Анны Дмитриевны бракъ состоялся¹⁾). Невзирая на данное согласіе, гордый, богатый и своенравный Новосильцовъ, желавшій выдать свою дочь за человѣка съ вѣсомъ и положеніемъ, не могъ, въ теченіе многихъ лѣтъ послѣ ея свадьбы, побѣдить въ себѣ чувство непріязни къ ея мужу, не признавая въ немъ ни ума, ни таланта, ни даже какихъ либо душевныхъ качествъ и считая его ничтожнымъ молодымъ человѣкомъ безъ состоянія и общественнаго положенія. Непріязнь эта сильно и долго отравляла семейное счастье моихъ родителей.

Чтобы имѣть понятіе о характерѣ Д. А. Новосильцова, приведу слѣдующій анекдотъ, рассказанный мнѣ крестнымъ сыномъ его, княземъ Сергіемъ Николаевичемъ Урусовымъ²⁾). Дмитрій Александровичъ, въ царствованіе императрицы Екатерины II, будучи офицеромъ Измайловскаго полка и находясь, однажды, съ своею ротою въ караулѣ на дворцовой гауптвахтѣ, остался крайне недоволенъ поданнымъ ему обѣдомъ съ царской кухни, тѣмъ самымъ, который подавался государынѣ. Пригласивъ на гауптвахту гофъ-фурьера, распорядившагося царскимъ обѣдомъ, и сдѣлавъ ему выговоръ за дурное будто бы кушанье, которое онъ осмѣливался подавать императрицѣ, Новосильцовъ приказалъ солдатамъ своей роты высѣчь его, что ими и было немедленно исполнено. За этотъ поступокъ онъ былъ уволенъ отъ службы, но, позднѣе принятый снова въ оную, дослужился до бригадирскаго чина.

Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ супружества моихъ родителей у нихъ родились: въ 1817 г. дочь Наталья (умершая вскорѣ послѣ своего рожденія), въ 1818 г. сынъ Дмитрій и въ 1819 г. сынъ Николай. Оба сына, впоследствии, были очень красивы собою; старшій, похожій на отца, былъ всегда ненавистенъ Новосильцову, а второй, схожій съ матушкою, пользовался постоянною его любовью.

Передъ свадьбою, Михаилъ Николаевичъ, оставивъ службу въ горномъ департаментѣ, былъ опредѣленъ въ дирекцію императорскихъ театровъ помощникомъ члена по репертуарной части. Опредѣленію этому способствовала дружба его со всемогущимъ въ то время въ театральномъ мірѣ княземъ А. А. Шаховскимъ, искренно полюбившимъ его за защиту «Липецкихъ водъ».

Въ 1818 г. отецъ оставилъ службу при театрѣ и опредѣленъ помощникомъ бібліотекаря при императорской публичной бібліотекѣ, а въ 1820 г. получилъ орденъ св. Анны 3-й степени, въ награду за составленіе каталога русскихъ книгъ, и назначенъ почетнымъ бібліотекаремъ.

¹⁾ Вѣнчаніе моихъ родителей происходило въ Петербургѣ въ маѣ (не знаю, какого числа) 1816 года въ церкви Знаменія на Невскомъ проспектѣ.

²⁾ Въ царствованіе императора Александра II онъ былъ главноуправляющимъ П-мъ отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи и съ 1876 по 1882 годъ имъ начальникомъ.

Служба его при библиотекѣ пріобрѣла ему искреннее расположеніе директора ея, Алексѣя Николаевича Оленина, извѣстнаго покровителя литераторовъ и художниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріязнь и дружбу двухъ знаменитыхъ библиотечарей: Ивана Андреевича Крылова и Николая Ивановича Гнѣдича. Къ этому времени относятся двѣ комедіи Михаила Николаевича: «Богатоновъ, или столичный житель въ провинціи» и «Романъ на большой дорогѣ».

Въ 1820 г., дѣдъ мой, Загоскинъ, какъ я уже выше упомянулъ, возвратился на жительство въ Пензу, а Новосильцовъ собрался переѣзжать въ Москву, гдѣ до 1812 года онъ имѣлъ постоянное жительство и собственный домъ. Не желая разставаться съ своею дочерью, которую, несмотря на ненавистный для него бракъ, продолжалъ горячо любить, онъ предложилъ моему отцу перейти на службу въ Москву и поселиться съ нимъ на жительство въ его домѣ. Предложеніе это привело въ ужасъ Михаила Николаевича, жившаго до того времени спокойно съ своимъ семействомъ въ квартирѣ своихъ родителей и пользовавшагося даровою квартирою и обѣдомъ, ^{т.} что было для него весьма важно, такъ какъ доходы его ограничивались небольшимъ казеннымъ жалованіемъ, незначительными литературными трудами и весьма скромнымъ содержаніемъ, получаемымъ его женою отъ Новосильцова, и только послѣ долгихъ колебаній боязнь лишиться нѣжно любимую имъ жену удобствъ въ жизни, къ которымъ она съ дѣтства привыкла, заставила его рѣшиться на такое, можно сказать, самопожертвованіе и принять предложеніе Дмитрія Александровича.

Въ іюнѣ того же года, мои родители переѣхали въ Москву, гдѣ вскорѣ отецъ, по милости своего рѣдкаго сердца и неисчерпаемаго веселаго добродушія, пріобрѣлъ много новыхъ пріятелей изъ среды московскихъ литераторовъ и близко сошелся съ Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ, С. Т. Аксаковымъ и М. А. Дмитриевымъ. Въ Москвѣ онъ поступилъ на должность чиновника по особымъ порученіямъ при тогдашнемъ московскомъ главнокомандующемъ князѣ Дмитріи Владиміровичѣ Голицынѣ, подъ начальствомъ котораго находились въ то время и московскіе театры.

Князь Голицынъ, какъ извѣстно, былъ добрый, благородный и, въ полномъ смыслѣ слова, прекраснѣйшій человекъ. Воспитанный за границею, онъ присвоилъ себѣ утонченныя манеры французскаго маркиза, сохранивъ при томъ осанку русскаго вельможи. Обращаясь со всѣми, а съ своими подчиненными въ особенности, вѣжливо и привѣтливо, Голицынъ, однако, нерѣдко выказывалъ, какъ будто и самъ того не подозрѣвая, важность своего сана и происхожденія, хотя въ душѣ глубоко презиралъ людей занескивающихъ, льстивыхъ и подобострастныхъ. Считаю не лишнимъ привести эпизодъ изъ перваго свиданія моего отца съ своимъ новымъ начальникомъ, хорошо обрисовывающій характеръ того и другого.

При первомъ представленіи князю, отецъ, явившись въ мундирѣ, вошелъ къ нему въ кабинетъ. Князь принялъ его, сидя за письменнымъ столомъ, и, не протянувъ руки, сталъ любезно съ нимъ разговаривать. Разговоръ, продолжавшійся нѣсколько минутъ, затянулся, съ офиціальнаго перешелъ въ чисто интимный. Тогда отецъ, считая себя уже не подчиненнымъ, а гостемъ князя, началъ разсѣянно оборачиваться и, какъ будто, чего-то искать. На вопросъ князя: «что съ вами и что вы ищете?»—онъ отвѣтилъ: «кресло, чтобы сѣсть». Князь улыбнулся, позвонилъ и приказалъ вошедшему слугѣ подать кресло. Съ тѣхъ поръ, при всякомъ свиданіи начальника съ своимъ подчиненнымъ, рука протягивалась и кресло придвигалось.

Въ скоромъ времени Голицынъ очень полюбилъ своего новаго чиновника и до конца жизни оказывалъ ему знаки уваженія и душевной пріязни.

При такомъ начальникѣ, служба Михаила Николаевича шла весьма успѣшно: въ 1823 г. онъ былъ назначенъ членомъ конторы дирекціи московскихъ театровъ, а со времени своего пріѣзда въ Москву по 1829 годъ получилъ ордена св. Владиміра 4-й степени и св. Анны 2-й и чины коллежскаго ассессора и надворнаго совѣтника. По тогдашнимъ правиламъ, онъ не могъ получить чина коллежскаго ассессора безъ выдержанія особо установленнаго для этого чина экзамена, а потому долго приготавливался къ нему и выдержалъ его отличнымъ образомъ. При испытаніи его въ русскомъ языкѣ профессоръ отечественной словесности предложилъ отцу, уже пользовавшемуся извѣстностью, какъ драматическій писатель, слѣдующій, довольно наивный вопросъ: «кто былъ Ломоносовъ?»—отецъ, неоднократно рассказывая объ этомъ, всегда прибавлялъ: «мнѣ хотѣлось отвѣтить, что Ломоносовъ былъ сапожникъ».

Продолжая усердно заниматься службою при театрѣ и не оставляя своихъ литературныхъ занятій, Михаилъ Николаевичъ, за время съ 1820 по 1828 годъ, написалъ комедіи: «Урокъ холостымъ», «Благородный театръ» и водевилъ «Деревенскій философъ». Первые двѣ пьесы были написаны стихами, что стоило ихъ автору не малаго труда, такъ какъ, не имѣя музыкальнаго уха, онъ каждый стихъ раздѣлялъ на слоги и на стопы и надъ каждымъ слогомъ ставилъ удареніе. Ранѣе этихъ двухъ комедій онъ написалъ посланіе въ стихахъ къ Гнѣдичу подъ названіемъ «Авторская клятва» и стихотвореніе «Выборъ невѣсты». Эти стихотворные его опыты, заслужившіе полное одобреніе Гнѣдича и особенно Крылова, дали ему нѣкоторую смѣлость написать стихами вышеупомянутыя двѣ комедіи, которыя и были играны съ большимъ успѣхомъ на московской сценѣ.

До 1830 года, отецъ съ своимъ семействомъ проживалъ въ Старой Конюшенной въ домѣ Новосильцова, часто испытывая на себѣ

странныя придирки и выходки хозяина дома, настоящего деспота стараго закала, вызывавшія немало обоюдныхъ бурныхъ вспышекъ, и вслѣдствіе которыхъ жизнь моихъ родителей въ его домѣ становилась все болѣе и болѣе невыносимѣе, и мысль отдѣлиться отъ Новосильцова не покидала отца ни на минуту. Въ то время, матеріальныя средства его нѣсколько улучшились, однако, не настолько, чтобы онъ имѣлъ возможность, какъ онъ самъ выражался, «опериться» и жить самостоятельно.

Вскорѣ счастье улыбнулось ему: въ 1828 году онъ задумалъ написать историческій романъ. Въ теченіе почти цѣлаго года, онъ усердно рылся въ древнихъ актахъ, изучалъ русскую исторію и нерѣдко проводилъ цѣлыя ночи за перомъ. Плодомъ этого усидчиваго труда явился, наконецъ, въ декабрѣ слѣдующаго года, его первый историческій романъ «Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 году».

Появленіе этого романа, какъ извѣстно, составило эпоху въ русской литературѣ, доставивъ автору его громкую извѣстность не только въ Россіи, но и за границею. Пушкинъ, Жуковскій, Крыловъ, Гнѣдичъ, Шаховской, однимъ словомъ, всѣ лучшіе писатели и поэты того времени громко привѣтствовали появленіе этого романа и разсыпались передъ отцомъ въ похвалахъ. Однимъ изъ первыхъ поспѣшилъ поздравить его съ блистательнымъ успѣхомъ «Юрія Милославскаго» князь Шаховской: онъ прислалъ длинное письмо, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «я уже совсѣмъ одѣлся, чтобы ѣхать на свиданіе съ нашими первоклассными писателями на литературный обѣдъ къ графу Ѡ. П. Толстому, какъ вдругъ принесли мнѣ твой романъ, я ему обрадовался и повезъ мою радость къ графу Толстому. Но тамъ меня ею же встрѣтили. Первое дѣйствующее лицо авторскаго обѣда, явившееся на сцену, былъ Пушкинъ и тотчасъ заговорилъ о тебѣ. Пушкинъ восхищался отрывками твоего романа, которые онъ читалъ въ журналѣ. Входитъ Крыловъ изъ дворца; разспросы о тебѣ и улыбательныя одобренія твоему роману. Входитъ Гнѣдичъ—въ восхищеніи отъ прекраснаго твоего романа; наконецъ, является Жуковскій и, сказавъ два слова, объявляетъ, что не спалъ вчера всю ночь—отчего же?—все-таки отъ твоего романа, который онъ получилъ, развернулъ, хотѣлъ прочесть кое-что и, не сходя съ мѣста и не ложась спать, не могъ не прочесть всѣхъ трехъ томовъ; а это самая лучшая похвала, какую онъ могъ сдѣлать твоему сочиненію. Онъ проситъ меня тотчасъ къ тебѣ написать о дѣйстви, которое ты надъ нимъ произвелъ, о своей благодарности и о томъ, что, хотя онъ еще не успѣлъ поднести твоего романа императрицѣ, но предварилъ ее, что она увидитъ диво на нашемъ языкѣ».

Затѣмъ А. С. Пушкинъ писалъ моему отцу: «Перерываю увлекательное чтеніе вашего романа, чтобы сердечно поблагодарить васъ

за присылку «Юрія Милославскаго» — лестный знакъ вашего ко мнѣ расположенія. Поздравляю васъ съ успѣхомъ полнымъ и заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его. Жуковскій провелъ за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи. Въ «Литературной Газетѣ» будетъ о немъ статья Погорѣльскаго¹⁾. Если въ ней не все будетъ высказано, то постараюсь досказать. Простите, дай Богъ вамъ многія лѣта, т.-е. дай Богъ намъ многіе романы».

Московское общество, съ своей стороны, не осталось равнодушнымъ къ автору «Юрія Милославскаго» и, наперерывъ, стало съ нимъ знакомиться, а отъ дамъ и особенно великосвѣтскихъ львицъ ему просто не было отбоя... одинъ только старикъ Новосильцовъ нашель романъ никуда негоднымъ и узнавъ, что отецъ продалъ его за 30.000 рублей ассигнаціями, съ негодованіемъ воскликнулъ: «неужели я дожилъ до того, что русскіе даютъ такія деньги за такую дрянъ!»²⁾.

Какъ ни лестны были для Михаила Николаевича всѣ расточаемыя ему общія похвалы, весь внезапно окружившій его почетъ, но главное, душевная радость заключалась въ томъ, что давнишняя завѣтная мысль его «опериться» могла уже осуществиться. Получивъ за свой романъ значительную для того времени сумму, онъ немедленно купилъ въ Москвѣ прекрасный домъ (въ Денежномъ переулкѣ, въ приходѣ Покрова, что въ Левшинѣ), переселился въ него съ своимъ семействомъ и зажилъ, хотя не богато, но полнымъ самостоятельнымъ хозяиномъ.

Впереди его ожидало еще большее...

Въ 1830 году, императоръ Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Москву и пожелалъ видѣть отца.

При входѣ его въ царскій кабинетъ въ маломъ Николаевскомъ дворцѣ, его величество, подавъ ему руку, осчастливилъ его слѣдующими словами: «будучи въ Москвѣ, я никогда не простилъ бы себѣ, если бы не познакомился съ авторомъ «Юрія Милославскаго»³⁾. Свиданіе это запечатлѣлось на всю жизнь въ сердцѣ Михаила Николаевича и было началомъ той глубокой любви и безпредѣльной преданности, которыя онъ питалъ къ Николаю Павловичу до конца своей жизни.

Опредѣленный въ этомъ году управляющимъ конторою московскихъ театровъ, отецъ въ короткое время былъ пожалованъ въ камергеры и назначенъ въ должность директора тѣхъ же театровъ.

Въ день пожалованія придворнымъ званіемъ онъ былъ несказанно удивленъ присылкою отъ Новосильцова подарка: то былъ

1) Псевдонимъ Перовскаго, автора «Монастырки».

2) Кромѣ Новосильцова, романомъ остался недоволенъ и Булгаринъ.

3) Слова эти были записаны моимъ отцомъ въ его записной книжкѣ.

первый подарокъ, полученный имъ отъ него со дня своей свадьбы— золотой камергерскій ключъ!.. съ самаго этого дня камергеръ Загоскинъ вступаетъ въ глазахъ гордаго старика во всѣ принадлежавшія ему человѣческія и литературныя права: онъ сдѣлался для него прекраснымъ человѣкомъ и талантливымъ писателемъ...

Новосильцовъ торжествовалъ!.. Къ счастью, торжество это не ограничилось присылкою одного золотого ключа; вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ болѣе существенный даръ: онъ подарилъ моей матери имѣніе во Владимірской губерніи съ 600-ми крестьянами и значительную сумму денегъ, на которую она приобрѣла имѣніе въ Тамбовской губерніи съ коннымъ заводомъ.

Въ слѣдующемъ году отецъ написалъ свой второй романъ «Рославлевъ или русскіе въ 1812 году», доставившій ему 40.000 рублей ассигнаціями, на которые онъ купилъ небольшое имѣніе въ Серпуховскомъ уѣздѣ Московской губерніи.

По поводу этого романа, Жуковскій написалъ ему слѣдующее письмо: «Благодарю васъ и за подарокъ и за «Рославлева», почтеннѣйшій Михаилъ Николаевичъ,— и съ нимъ то же случилось, что съ его старшимъ братомъ; я прочиталъ его почти въ одинъ присѣсть. Признаюсь вамъ только въ одномъ: по прочтеніи первыхъ листовъ, я долженъ былъ отложить чтеніе, и эти первые листы произвели было во мнѣ нѣкоторое предубѣжденіе противъ всего романа, и я побоялся, что онъ не пойдетъ на ряду съ «Милославскимъ». Описаніе большого свѣта мнѣ показалось невѣрнымъ, и въ гостиной княгини Радугиной я не узналъ свѣтскаго языка. Но все остальное прекрасно, и Рославлевъ столько же приманчивъ, какъ старшій братъ его.

«Благословляю васъ обѣими руками на романы. Это ваше дѣло, а предметовъ бездна. Стою на томъ, чтобы вы написали Дмитрія Самозванца; лучше сюжета нѣтъ, а Булгаринъ его ужасно изуродовалъ. Потомъ, примитесь описывать времена Петра; потомъ быть нашихъ провинціаловъ: описывая истину, смѣшное смѣшнымъ, дурное дурнымъ, прекрасное прекраснымъ, вы произведете не только пріятное, но и полезное.

«Доселѣ никто еще не писалъ у насъ вѣрно съ природы. Болѣе карикатуры, для коихъ образчики были не наши.

«Трогая описаніемъ прекраснаго, противопоставляя высокіе характеры, изъ природы взятые, смѣшному или дурному, также изъ природы взятому, вы дадите умамъ надлежащее направленіе. Безъ истины нѣтъ убѣжденія, а вы можете (ибо на это имѣете талантъ) изобразить истину. Главная критика на оба ваши романа можетъ относиться только къ правильности языка. Много ошибокъ, которыя бы замѣтилъ вамъ послѣдній ребенокъ, который знаетъ грамматику. Этихъ ошибокъ у васъ быть не должно; но вы, имѣя истинный талантъ, должны непременно обратить вниманіе и на мелочи, не

вредящія главному, но такого рода, что вы уже теперь обязаны не дѣлать подобныхъ проступковъ. Извините, что такъ искренно изъясняюсь: это доказательство живого участія, принимаемаго мною въ вашихъ успѣхахъ, а бывшіе ваши успѣхи даютъ мнѣ надежду на будущіе, и въ этомъ случаѣ я не боюсь быть лжепророкомъ. Экземпляръ вашего Рославлева представленъ мною государынѣ императрицѣ и принятъ ея величествомъ съ благосклонностью. Простите, будьте только здоровы—остальное все будетъ».

Съ начала 30-го года, все въ жизни моихъ родителей измѣнилось: настало полное матеріальное довольство и водворился нравственный покой. Отецъ мой отдохнулъ и тѣломъ и душой!..

Но не долго продолжался его душевный отдыхъ: мать моя, никогда не отличавшаяся хорошимъ здоровьемъ, стала чувствовать, въ 1832-мъ году, внутреннія боли, въ началѣ не обращающія ея особеннаго вниманія, но вскорѣ до того усилившіяся, что она должна была прибѣгнуть къ совѣту лучшихъ московскихъ врачей и, несмотря на всѣ ихъ старанія, состояніе ея быстро ухудшалось. Врачи, предположивъ существованіе внутренней болѣзни, могущей окончиться ракомъ, объявили, что, если есть какая либо надежда на ея выздоровленіе, то оно можетъ послѣдовать только въ случаѣ новаго приращенія семейства. Матери моей было сорокъ лѣтъ, а младшему сыну—тринадцать, слѣдовательно, подобной надежды представлялось мало или, вѣрнѣе сказать, никакой!..

Скорбь моихъ родителей была велика!..

Приступаю теперь къ описанію случая, который послужилъ къ большому укрѣпленію ихъ вѣры, и рассказъ о которомъ, слышанный мною впервые въ дѣтствѣ, имѣлъ большое вліяніе на духовную сторону всей моей послѣдующей жизни.

Вотъ этотъ чудный и только для истинно вѣрующихъ понятный случай: мать моя, какъ я уже сказалъ, была женщина глубоконабожная и всегда, во всѣхъ радостныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни, прибѣгала къ молитвѣ. Смущенная рѣшеніемъ докторовъ, она стала молиться объ избавленіи ея отъ страшнаго недуга. Однажды, стоя на вечерней молитвѣ, передъ иконами, она поражена была какими-то звуками, какъ будто пронесшимися около ея ушей, стала прислушиваться и довольно ясно услышала слова: «молись св. Митрофану».

Озадаченная подобнымъ явленіемъ, она рассказала о немъ моему отцу, который, однако, не придавъ особаго значенія ея рассказу, предполагая, что это ей «такъ показалось». На другой день, во время подобной, вечерней молитвы, матушка снова услышала тѣ же слова, но болѣе явственно, болѣе отчетливо. Сомнѣнье разсѣялось; начались поиски о томъ, кто былъ св. Митрофанъ и когда существовалъ. Каково же было удивленіе моихъ родителей, когда, вскорѣ послѣ означеннаго явленія, они узнали, что въ Воронежѣ обрѣтены мощи епископа воронежскаго Митрофана! Отецъ немедленно отпра-

вилъ письмо къ епископу Антонію съ подробнымъ описаніемъ случившагося и просилъ его прислать какую либо святыню съ мощей новоявленнаго угодника Божія.

Антоній исполнилъ желаніе родителей и прислалъ имъ серебряный крестъ съ частицею мощей святителя и бархатную шапочку съ его св. мощей, а матушка заказала образъ св. Митрофана и непрестанно стала просить ходатайства его о совершенномъ ея исцѣленіи ¹⁾.

15-го мая 1833-го года, исцѣленіе совершилось: она разрѣшилась отъ бремени сыномъ Сергіемъ, пишущимъ эти строки.

Съ моимъ появленіемъ на свѣтъ, прежняя болѣзнь ея, согласно предвѣщанію докторовъ, исчезла, но въ томъ же году она занемогла какою-то новою внутреннею болѣзнью совершенно другого рода, которая и продолжалась во всю остальную жизнь ея, т. е. почти двадцать лѣтъ. Болѣзнь эта не позволяла ей дѣлать сильныхъ движеній и выносить тряски экипажа, вслѣдствіе чего она никуда не выѣзжала, ограничивая свои выходы изъ дома продолжительными прогулками въ собственномъ саду.

Осенью 1836 года, матушка была очень огорчена внезапною кончиною своего отца, который, какъ я выше сказалъ, сталъ, съ 1830-го года, не только вѣжливъ и любезенъ къ моему отцу, но и чрезвычайно ласковъ, а батюшка, по своему рѣдкому незлобію и сердечной добротѣ, забывъ всѣ перенесенныя имъ отъ старика непріятности, началъ платить ему взаимностью. Послѣ смерти Новосильцева, матушка получила, по духовному его завѣщанію, принадлежавшій ему въ Москвѣ домъ и нѣкоторую сумму денегъ.

II.

Мое младенчество, болѣзнь. — Гувернеръ. — Петровскій паркъ. — Императоръ Николай I-й. — Мое воспитаніе. — Свѣтлый праздникъ. — Мое образованіе. — Служба отца при театрѣ. — Князь П. М. Волконскій. — Милость императора къ отцу. — Назначеніе отца директоромъ оружейной палаты. — Его служба, литературные труды, образъ жизни и привычки.

Воспоминанія о моемъ младенствѣ совершенно изгладились изъ моей памяти; я начинаю помнить себя съ восьмилѣтняго возраста. До того времени смутно помню какой-то дѣтскій маскарадъ, въ которомъ я былъ наряженъ пѣтухомъ, также смутно помню моихъ родителей, а отца не иначе, какъ въ камергерскомъ мундирѣ. Мундиръ этотъ остался въ моей памяти, вѣроятно, потому, что, по рассказамъ

¹⁾ Сей образъ находится нынѣ съ 1897 г. въ склепѣ Загоскиныхъ Троицко-Сергіев. пустыни близъ Петербурга въ Воскресенскомъ храмѣ, на могилѣ Сергія Михайловича Загоскина, автора сихъ записокъ.

моей няни, для меня, въ раннемъ дѣтствѣ, было величайшимъ удовольствіемъ присутствовать при одѣваніи отца въ придворный мундиръ и обнюхивать золотое шитье, при чемъ я всѣхъ увѣрялъ, что «папенька пахнетъ парадомъ».

Я былъ слабымъ и хилымъ ребенкомъ и часто хворалъ. Для приданія мнѣ силъ, я находился у кормилицы до трехлѣтняго возраста, а затѣмъ, по совѣту врачей, мнѣ давали ежедневно по рюмкѣ малаги или другого испанскаго вина, которое впоследствии было замѣнено краснымъ виномъ и, кажется, въ весьма почтенномъ количествѣ, такъ что, когда мнѣ было лѣтъ 13-ть или 14-ть, то мнѣ предоставлялось во время обѣда выпивать цѣлую полубутылку такого вина. Способъ укрѣпленія моего здоровья, казавшійся многимъ знакомымъ непонятнымъ и даже вреднымъ, имѣлъ, однако же, хорошія послѣдствія: вступивъ въ отроческій возрастъ, я былъ уже крѣпкимъ, полнымъ и здоровымъ мальчикомъ.

Первыя воспоминанія о моемъ дѣтствѣ относятся къ зимѣ 1841 года, и именно когда я заболѣлъ тифозною горячкою; помню даже самое начало болѣзни. Въ эту зиму, несмотря ни на какую погоду, меня по утрамъ катали въ возкѣ, въ сопровожденіи моей няни Анны Петровны, при чемъ кутали меня жестоко: надѣвали шубу, большіе, вязанные сапоги и шапку съ наушниками. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, въ сильный морозъ мы ѣхали по Красной площади,—вдругъ няня говоритъ: «смотрите, ѣдутъ царскія дѣти»,—то были маленькіе великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи,—я высунулся въ окно и долго смотрѣлъ имъ въ слѣдъ.

Не выдавъ до того времени никого изъ членовъ царскаго семейства, я, по всему вѣроятію, заинтересовался видѣть дѣтей, которыхъ называли «царскими».

Вернувшись домой, я почувствовалъ сильный ознобъ, слегъ въ кровать, и у меня открылся бредъ. Сколько времени я находился въ этомъ положеніи—не знаю, но хорошо помню два момента въ началѣ болѣзни: первый, когда матушка хотѣла дать мнѣ выпить съ ложки какую-то микстуру, и я сильно воспротивился и началъ кричать; всѣ уговоры ни къ чему не повели, и я не принялъ лѣкарства.

Надобно при этомъ замѣтить, что до того, какъ мнѣ сказывали позднѣе, я принималъ спокойно и послушно всѣ прописываемыя докторами лѣкарства, и потому внезапное мое сопротивление немало удивило матушку.

Вскорѣ пріѣхалъ докторъ и, узнавъ о случившемся, осмотрѣлъ лѣкарство, попробовалъ его и объявилъ, что если бы я принялъ эту микстуру, то была бы бѣда, потому что, прописавъ одновременно два лѣкарства, одно для внутренняго приема, а другое, весьма сильное, для наружнаго втиранія, докторъ нашелъ ярлычки перепутанными аптекою: ярлычекъ отъ спирта наклеили на стклянку

съ микстурою и, конечно, еслибы я не закапризничалъ и принялъ лѣкарство, то легко бы могъ поплатиться жизнью.

Второй моментъ, оставшійся у меня въ памяти, относится къ тому времени, когда болѣзнь моя значительно ухудшилась, и меня приобщили св. тайнъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ моя крестная мать, Елена Ивановна Полугарская, привезла ко мнѣ собственный образъ св. Варлаама, считавшійся въ ея семействѣ чудотворнымъ, и поставила его около моей кровати. Затѣмъ, все, что происходило вокругъ меня, вплоть до моего выздоровленія, совершенно изгладилось изъ моей памяти. Въ продолженіе шести недѣль, мать моя и няня неотлучно находились днемъ и ночью при мнѣ, а отецъ, пользуясь свободными отъ службы минутами, посвящалъ ихъ мнѣ и часто, далеко за полночь, сидѣлъ у моего изголовья. Однажды поздно вечеромъ, когда прибывшіе доктора, изъ которыхъ докторъ Смѣльскій жилъ во флигелѣ нашего дома, признали положеніе мое безнадежнымъ и сомнѣвались въ продленіи моей жизни до утра, отецъ мой, по ихъ удаленіи, перекрестивъ и крѣпко поцѣловавъ меня, сказалъ матушкѣ: «я иду къ себѣ въ кабинетъ и лягу спать; прошу не тревожить меня и не будить до утра, если бы даже что и случилось съ Сережею, то и тогда не будить меня». Подобныя слова до крайности удивили мать, которая никакъ не могла представить себѣ, чтобы отецъ, нѣжно любившій своего ребенка и нерѣдко проводившій при немъ часть ночи, вдругъ, когда часы его жизни сочтены, могъ спокойно идти ко сну. Она не промолвила ни слова, и отецъ удалился. Что произошло со мною за ночь—мнѣ неизвѣстно, но только докторъ Смѣльскій, придя въ 6 часовъ утра взглянуть на меня, по тщательномъ осмотрѣ, объявилъ, что опасность миновала, и явилась надежда на мое выздоровленіе. Матушка, не помня себя отъ радости и позабывъ приказаніе отца не тревожить его, побѣжала объявить ему о великой милости Божіей. Войдя въ кабинетъ, она не нашла отца и, подумавъ, что онъ ушелъ спать въ свой рабочій кабинетъ, находившійся въ антресоляхъ нашего дома, поднялась на верхъ и нашла его не тамъ, а рядомъ, въ маленькой комнатѣ, стоящаго на колѣнахъ, передъ иконами. Сообщивъ радостную вѣсть, они оба усердно возблагодарили Господа Бога, и тогда только матушка поняла причину, заставившую отца удалиться къ себѣ съ просьбою не тревожить его: онъ всю ночь провелъ на молитвѣ. За эту ночь, у него появилась первая сѣдина въ волосахъ.

Съ этого дня началось мое постепенное выздоровленіе, и я хорошо помню, какъ батюшка ежедневно приносилъ мнѣ, для развлеченія, разные книги съ картинками, изъ которыхъ особенно занимала меня первая книга «Сто русскихъ литераторовъ» съ ея портретами и картинками.

Въ это же время съ моею матерью, вслѣдствіе нравственнаго и физическаго утомленія, случился нервный припадокъ съ удушiемъ до того сильнѣй, что ее пріобщили св. тайнъ и ожидали ея кончины. Но Богу угодно было продлить жизнь ея еще на двѣнадцать лѣтъ и тѣмъ дать мнѣ возможность неотлучно, до двадцатилѣтняго возраста, находиться при ней, пользоваться ея глубоко назидательными совѣтами и постоянно имѣть передъ собою примѣръ истинной христіанской жизни.

Когда я оправился отъ болѣзни, занемогла тифомъ моя няня, единственный человѣкъ въ нашемъ домѣ, заразившійся отъ меня. Я очень былъ привязанъ къ нянѣ, находившейся при мнѣ со дня моего рожденія, но, такъ какъ она прохворала до весны, то къ великому моему горю, я не видалъ ея въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Весною, мои родители взяли ко мнѣ гувернера-француза m-r Roulain. Его выписали изъ Пензы, гдѣ онъ находился у кого-то изъ нашихъ родственниковъ, а за десять лѣтъ передъ тѣмъ, былъ гувернеромъ моихъ братьевъ. Когда m-r Roulain пріѣхалъ къ намъ, то въ самое короткое время овладѣлъ моею любовью, и думаю, не столько своею сердечною добротою, сколько неисчерпаемою веселостью и придумываніемъ всякаго рода для меня забавъ, изъ числа которыхъ, на первомъ планѣ, была гимнастика, доходившая даже до хожденія на канатѣ. M-r Roulain, человѣкъ уже пожилой, служилъ въ молодости офицеромъ въ войскахъ Наполеона, котораго любилъ до обожанія и часто, со вздохомъ, повторялъ: «oh, le grand empereur! oh, la grande armée! où sont-ils?»

Пріѣхавъ въ Москву въ началѣ 20-хъ годовъ, французъ этотъ до того полюбилъ Россію и въ особенности Москву, что, несмотря на свою страсть къ своему «grand empereur», нерѣдко негодовалъ на него за войну 1812 года и въ особенности за пожаръ Москвы.

Одновременно съ пріѣздомъ гувернера, ко мнѣ взяли, для изученія нѣмецкаго языка, мальчика моихъ лѣтъ, нѣмца, по фамиліи Мейеръ. Онъ былъ сынъ знаменитаго въ то время фокусника, извѣстнаго подъ именемъ Молдуано и впоследствии оказался крещеннымъ евреемъ. Мальчикъ былъ хорошій, умный и нравственный, пробылъ у меня лѣтъ пять и, принявъ православіе, поступилъ въ одну изъ московскихъ гимназій. Позднѣе, я потерялъ его изъ вида и не знаю, что съ нимъ случилось. По милости этого еврейчика, я сталъ отлично говорить по-нѣмецки.

Въ маѣ того же года, мы переѣхали въ Петровскій паркъ, гдѣ батюшка только что построилъ прекрасную дачу. Паркъ былъ тогдашнимъ, любимымъ мѣстомъ гулянья высшаго московскаго общества. Въ немъ находилось немного дачъ—всего тридцать или сорокъ, не болѣе, изъ которыхъ большая часть принадлежала извѣстнымъ

и зажиточнымъ москвичамъ; тамъ были дачи: Хитрово¹⁾, Нарышкиной²⁾, князя Трубецкого³⁾, князя Долгорукова⁴⁾, Наумова⁵⁾, Мартынова⁶⁾, Башилова⁷⁾, Тона⁸⁾, Мерлина⁹⁾, купцовъ Лухманова, Монигетти и проч. У Башилова было нѣсколько дачъ. Онъ же построилъ въ паркѣ огромное, деревянное зданіе, названное имъ «вокзаломъ». Въ этомъ вокзалѣ пѣли цыганы, играла музыка и давались танцевальныя вечера, а въ саду, гдѣ по воскресеньямъ пускали фейерверки, были устроены для дѣтей: качели, деревянные горы и разныя игры. Одна изъ улицъ парка была названа, въ честь устроителя вокзала «Башиловкою». Въ Петровскомъ паркѣ находился театръ (познынѣ существующій), построенный моимъ отцомъ, въ бытность его директоромъ московскихъ театровъ. Главная аллея парка, ведущая отъ театра къ дворцу и, затѣмъ, въ село Зыково, была почти единственная, застроенная дачами; въ остальныхъ аллеяхъ лишь кое-гдѣ попадались дома. Мало населенный паркъ былъ, въ то время, дѣйствительно пріятнымъ и спокойнымъ мѣстомъ лѣтняго пребыванія семейныхъ москвичей.

Въ это лѣто, многіе пріѣзжавшіе въ Москву иностранцы посѣщали отца; изъ нихъ — раза два французскій писатель виконтъ д'Арленкуръ; но я его мало помню. Онъ представляется мнѣ пожилымъ элегантнымъ мужчиною, всегда во фракѣ съ свѣтлыми пуговицами и множествомъ орденовъ на цѣпочкѣ, въ петлицѣ. Если

¹⁾ Настасья Николаевна, рожденной Каковинской, извѣстной и весьма уважаемой московской старожилки. Она была матерью княгини Ирины Никитичны Урусовой, сынъ которой князь Сергій Николаевичъ былъ въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ главноуправляющимъ II отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, а дочь ея Анастасія Николаевна Мальцова имѣла счастье пользоваться дружбою императрицы Маріи Александровны.

²⁾ Анны Дмитриевны, рожденной Нарышкиной, матери извѣстнаго въ Москвѣ Константина Павловича, женатаго на Софіи Петровнѣ Ушаковой.

³⁾ Ивана Петровича, женатаго на княжнѣ Натальѣ Сергѣевнѣ Мещерской, отца князя Николая Ивановича, бывшаго президента Московской дворцовой конторы.

⁴⁾ Отца княгини Юрьевской. Эта дача была самая красивая и самая роскошная во всемъ паркѣ.

⁵⁾ Николая Павловича, женатаго на княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Голицыной, сестрѣ князя Василя Петровича, извѣстнаго подъ названіемъ «рябчикъ». У Наумова было нѣсколько дачъ и обширный лѣсъ у самаго парка, по дорогѣ, ведущей въ Петровское-Разумовское.

⁶⁾ Соломона Михайловича, брата моей бабушки Натальи Михайловны Загоскиной.

⁷⁾ Александра Александровича, сенатора. Башиловъ былъ остроумный, веселый и добрѣйшій старикъ-холостякъ. Своими шутками и забавными разсказами онъ пріобрѣлъ расположеніе великаго князя Михаила Павловича и, въ послѣдніе годы своей жизни, проживалъ въ его дворцѣ на Остоженкѣ, гдѣ и умеръ.

⁸⁾ Отца извѣстнаго архитектора, строителя Храма Спасителя.

⁹⁾ Павла Евграфовича, богатаго москвича, женатаго на Богдановой.

я мало помню д'Арленкура, то въ моей памяти отлично сохранился другой французскій писатель Меримэ¹⁾, часто посѣщавшій насъ въ паркѣ. Онъ былъ прелестный французъ и всегда старался чѣмъ либо позабавить меня, вслѣдствіе чего я полюбилъ его, и когда онъ проводилъ у насъ вечера, то почти не отходилъ отъ него. Въ первый разъ, когда Меримэ пріѣхалъ къ намъ на дачу обѣдать и просидѣлъ часовъ до 11-ти, то батюшка предложилъ ему свою карету, чтобы отвезти его въ Москву, но онъ отвѣтилъ: «il ne me faut pas de voiture, j'attends le passage d'un omnibus». Наивный парижанинъ воображалъ, что въ Москвѣ, подобно Парижу, ходили всюду омнибусы, хотя, передъ тѣмъ, онъ провелъ въ нашей древней столицѣ нѣсколько дней и могъ бы замѣтить, что, въ то время, къ услугамъ публики, разѣзжали по ея улицамъ лишь возницы съ дрожками, называвшимися гитарами. Въ это лѣто я въ первый разъ увидалъ императора Николай Павловича. Онъ ѣхалъ верхомъ, возвращаясь въ Петровскій дворецъ со смотра войскъ на Ходынскомъ полѣ. Его красивая осанка, колоссальный ростъ и орлиный взглядъ такъ поразили меня, что съ того момента и навсегда въ моей памяти вѣзалась величественная, чисто рыцарская фигура Николая I, а мой гувернеръ m-г Roulain пришелъ въ такой восторгъ, что выскочилъ изъ толпы народа, стоявшей на пути государя, подскочилъ къ нему и, размахивая у самой лошади шляпой, закричалъ: «Vive l'empereur».

Государь милостиво улыбнулся и приложилъ руку къ своей шляпѣ. Въ то время, какъ мой французъ изливалъ въ радостныхъ крикахъ свой восторгъ, а я стоялъ, разинувъ ротъ, кто-то изъ толпы мгновенно выхватилъ изъ моихъ рукъ тросточку съ серебрянымъ набалдашникомъ и скрылся съ нею. Ловкій воръ воспользовался моимъ возрастомъ и толпою народа, чтобы познакомить меня, на дѣлѣ, съ поступкомъ, который до тѣхъ поръ былъ извѣстенъ мнѣ только по наслышкѣ. Казалось бы, что такой ранній опытъ могъ бы тогда же научить меня тому, какъ вредно стоять съ разинутымъ ртомъ, не оберегая своей собственности, но, къ сожалѣнію, урокъ этотъ не послужилъ мнѣ въ пользу, и я почти всю жизнь провелъ, разинувъ ротъ и не стоя на стражѣ своихъ интересовъ.

Ихъ величества провели нѣсколько дней въ Петровскомъ дворцѣ и часто катались по тѣнистымъ аллеямъ парка. Однажды, государь съ государынею, проѣзжая мимо насъ, приказалъ остановить экипажъ и довольно долго любовался нашею дачею, напомиравшей, по своей архитектурѣ, петербургскій, каменноостровскій дворецъ принца Ольденбургскаго. Дача очень понравилась государю, о чемъ его величество заявилъ отцу.

¹⁾ Генрихъ, братъ извѣстнаго Проспера Меримэ, написавшій книгу о своемъ путешествіи по Россіи.

Въ это же лѣто я въ первый разъ побывалъ въ театрѣ парка, и затѣмъ нѣсколько разъ посѣтилъ его съ моимъ гувернеромъ, сидя въ директорской ложѣ. Изъ всѣхъ пьесъ, мною виданныхъ, остались въ моей памяти только: балетъ «Волшебная флейта» и оперетка «Москаль Чаровникъ», въ которой особенно плѣнилъ меня знаменитый Щепкинъ, напѣвая малороссійскіе куплеты. Но съ этого времени вплоть до семнадцатилѣтняго возраста я ни разу не былъ въ театрѣ; вѣроятно, потому, что въ началѣ слѣдующаго года отецъ оставилъ директорскую должность и, за неимѣніемъ уже собственной логи, считалъ, безъ сомнѣнія, излишнимъ покупать таковую для меня, такъ какъ матушка, по болѣзни, не выходила изъ дома, а онъ самъ не посѣщалъ болѣе театра, несмотря на то, что по оставленіи имъ упомянутой должности императоръ Николай Павловичъ предоставилъ ему во всѣхъ театрахъ кресло, носившее названіе «авторскаго». Осенью, мы переѣхали въ Москву и нашли нашъ домъ заново отдѣланнымъ: стѣны во всѣхъ комнатахъ, окрашенные обычно въ то время клеевою краскою, были уже оклеены обоями, старинная мебель замѣнена новою болѣе моднаго фасона, а прежняя ея обивка въ гостиныхъ «бомбою» превратилась въ штофную; на окнахъ явились новомодныя, тюлевыя занавѣси. Особенно понравилась мнѣ одна гостиная, прежде выкрашенная желтою краскою и вдругъ принявшая весьма оригинальный видъ: стѣны ея были сплошь покрыты множествомъ гравюръ, портретовъ, небольшихъ картинокъ, географическихъ и игральныхъ картъ, конвертовъ съ адресами, книжныхъ обертокъ, театральныхъ афишъ и разнородныхъ рисунковъ. Все это, наклеенное на холстъ и разбросанное въ величайшемъ беспорядкѣ—прямо, бокомъ и вверхъ ногами, представляло съ перваго взгляда что-то пестрое, необычайное и нигдѣ не виданное, но вмѣстѣ съ тѣмъ красивое и занятное. Наклейка эта была совершена по мысли отца и имъ самимъ. Онъ употребилъ немало времени, чтобы собрать большую коллекцію всякой бумажной смѣси и, затѣмъ, въ теченіе лѣта, занялся наклейкою ея на холстъ, окаймленномъ, отдѣльно для каждой стѣны, зеленою суконною рамою съ золотымъ бортомъ. Комната эта постоянно привлекала вниманіе всѣхъ знакомыхъ, а для меня долго служила забавнымъ и интереснымъ развлеченіемъ въ минуты моего дѣтскаго досуга.

Дѣтство мое съ восьмилѣтняго возраста до четырнадцати лѣтъ прошло тихо, спокойно и однообразно, а потому считаю излишнимъ много о немъ распространяться; скажу только, что воспитаніе мое шло нѣсколько иначе, чѣмъ воспитаніе другихъ мальчиковъ, жившихъ, подобно мнѣ, подъ кровомъ родительскимъ. Отецъ мой не входилъ ни въ какія подробности относительно моего образованія; на гувернерѣ лежала преимущественно учебная часть, а всѣмъ остальнымъ занималась моя добрая, нѣжная мать. Воспитывая меня почти такъ, какъ воспитываютъ не сына, а дочь, она

старалась развить во мнѣ кротость, чувствительность, крайнюю деликатность и любовь не только къ ближнему, но и ко всей земной твари. Общество мальчиковъ для меня не существовало: матушка считала его излишнимъ и даже вреднымъ; дѣвицъ тоже я мало видалъ. За исключеніемъ маленькаго нѣмца и еще одного пріятели, пріѣзжавшаго ко мнѣ по праздникамъ, Андрюши Кислинскаго ¹⁾, я внѣ часовъ уроковъ и прогулокъ проводилъ время съ матушкою и нянею, или съ нѣсколькими старыми приживалками, часто у насъ гостившими. Иногда, по вечерамъ, приходилъ ко мнѣ жившій у насъ въ домѣ гимназистъ, гораздо старѣе меня, сынъ управляющаго нашимъ тамбовскимъ имѣніемъ, Митя Кожанчиковъ. Я очень любилъ его и всегда радовался его приходу, такъ какъ онъ мастерски строилъ изъ картона домики и дарилъ ихъ мнѣ. Впослѣдствіи, Кожанчиковъ женился на сестрѣ моей няни и былъ извѣстнымъ въ Петербургѣ книгопродавцемъ.

Удаленный такимъ образомъ отъ общества моихъ сверстниковъ, я былъ застѣнчивъ, черезчуръ тихъ, не умѣлъ рѣзвиться, а няня и приживалки немало способствовали къ развитію во мнѣ разныхъ предрасудковъ и значительной доли трусости. Я боялся темной комнаты, боялся лошадей, боялся ружья.

Кромѣ гимнастическихъ упражненій, я не предавался никакимъ забавамъ, свойственнымъ мальчикамъ моихъ лѣтъ: я не игралъ ни въ солдатики, ни въ лошадки, а иногда только въ куклы! За то былъ великій мастеръ въ карточной игрѣ, играя лѣтъ съ десяти до четырнадцати, почти ежедневно, зимою, съ матушкою и m-g Roulain въ «преферансъ», «дурачки», «свои козыри» и «короли».

Мать моя, страдая сильными головными болями, разстройствомъ нервовъ и внутреннею болѣзною, проводила всю зиму дома, выходя изъ него только разъ въ церковь для принятія Св. Тайнъ, но, утромъ и вечеромъ гуляла по расчищеннымъ дорожкамъ нашего обширнаго сада и всегда, послѣ вечерней прогулки, любила играть со мною въ карты. Страдая бессонницею, она поздно шла ко сну, а такъ какъ я имѣлъ помѣщеніе въ спальнѣ, то ложился тоже поздно, что, впрочемъ, нисколько не дѣйствовало въ ущербъ моего здоровья. Родители мои были, какъ я уже сказалъ, очень набожны; подѣ всѣ

¹⁾ Андрей Николаевичъ, сынъ тогдашняго секретаря директора московскихъ театровъ Николая Васильевича Кислинскаго, женатаго на Аннѣ Александровнѣ Ушаковой, былъ очень умный, начитанный и благонравный мальчикъ. Позднѣе, онъ прекрасно окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, но гдѣ потомъ служилъ, мнѣ неизвѣстно; знаю только, что, подѣ конецъ своей жизни, онъ находился предсѣдателемъ тульской земской управы и умеръ въ концѣ восьмидесятихъ годовъ въ Петербургѣ. Я сохранилъ о немъ самое пріятное воспоминаніе, какъ о миломъ, добромъ и лучшемъ товарищѣ моего дѣтства, но котораго, потерявъ еще въ юности совершенно изъ вида, я никогда болѣе не встрѣчалъ. Родители его были весьма почтенные и искренніе пріятели моихъ родителей.

большіе праздники и наканунѣ дня св. Митрофана (23-го ноября), нашъ приходскій священникъ Лука Ивановичъ служилъ у матушки всенощную, а батюшка, вслѣдствіе обѣта, по причинѣ, оставшейся мнѣ неизвѣстною, ходилъ сверхъ праздниковъ по средамъ и пятницамъ къ обѣднѣ. По субботамъ—ко всенощной, а по воскресеньямъ къ обѣдни я всегда ходилъ съ нянею.

Посты строго соблюдались моими родителями и вмѣстѣ съ ними мною.

Никогда не забуду, какъ въ дѣтствѣ я встрѣчалъ великій праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья! Къ заутренѣ меня не пускали; ходили туда только отецъ съ братьями, а я съ матерью отправлялся, около 12-ти часовъ, на крылечко, и тамъ мы оба сидѣли въ нетерпѣливомъ ожиданіи перваго удара въ праздничный колоколь Ивана Великаго.

Минуты казались часами... ждешь, не дождешься! Вотъ, наконецъ, прогремитъ вѣстовая пушка, прогудитъ съ Ивановской колокольни первый торжественный ударъ, возвѣщавшій Воскресеніе Христа и черезъ нѣсколько секундъ разнесется и стонетъ по всей Москвѣ нескончаемый, потрясающій гулъ съ трехсотъ церквей!.. о, какая это была торжественная минута! Какъ бывало бьется мое дѣтское сердце при этомъ радостномъ звонѣ, при этомъ неизмѣримомъ торжествѣ! Казалось мнѣ, что сама природа и самый воздухъ гудятъ, ликуютъ и празднуютъ воскресшаго Искупителя рода человѣческаго... съ какою особою, дѣтскою, неземною радостью, я обнималъ мою мать и говорилъ ей «Христосъ Воскресе!». Послѣ обоюдныхъ поцѣлуевъ мы возвращались въ комнаты, гдѣ встрѣчала насъ остававшаяся дома прислуга (остальные люди уходили къ заутренѣ), христосовались съ нами и получали яица и подарки. Послѣ того, матушка, по старинному обычаю, отворяла на всю святую недѣлю кивотъ съ иконами, зажигала передъ нимъ свѣчи и читала мнѣ вслухъ пасхальную заутреню. По возвращеніи изъ церкви отца и братьевъ и послѣ общаго христосованія мы всѣ шли ко сну. Розговѣнъ въ эту ночь у насъ не бывало, а утромъ въ первый день праздника подавались яица, пасха и куличи. То же самое дѣлалось и для прислуги, а къ обѣду непременно подавались зеленые щи и ветчина съ горошкомъ. Въ этотъ же день, по принятому въ Москвѣ обычаю, къ намъ пріѣзжали и приходили знакомые священники съ причтомъ изъ разныхъ церквей для краткаго пѣнія пасхальнаго канона и христосованія.

Въ теченіе всей свѣтлой недѣли я ежедневно забавлялся катаніемъ яиць и всякое утро ходилъ съ гувернеромъ гулять подѣ Новинское «на балаганы», но въ самые балаганы меня не пускали.

Теперь скажу нѣсколько словъ о моемъ образованіи; преподаваніе разныхъ наукъ было возложено на два лица: на m-г Roulain и на Александра Семеновича Спешинскаго (бывшаго учителя моихъ

братевъ). Первый преподавалъ мнѣ французскій языкъ, географію и древнюю исторію (конечно, оба предмета на французскомъ языкѣ), а послѣдній—Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметику, новѣйшую исторію и латинскій языкъ. Сверхъ того, такъ какъ я чувствовалъ большое влеченіе къ живописи, то ко мнѣ приходилъ три раза въ недѣлю учитель рисованія Галактіоновъ ¹⁾.

Съ двѣнадцати-лѣтняго возраста я сталъ готовиться для предстоящаго мнѣ поступленія въ Московскій университетъ, но долженъ сознаться, что ученіе шло дурно: у моего француза я кое-чему еще учился, но у Сцепинскаго—ровно ничему. М-г Roulain обращалъ преимущественно вниманіе на мой французскій выговоръ и, надобно отдать ему справедливость, добился хорошихъ успѣховъ. Добрѣйшій Сцепинскій, человѣкъ пожилой, лѣнивый, тучный, увалень въ родѣ медвѣдя, преподавалъ мнѣ всѣ предметы по устарѣлому, даже и для 40-хъ годовъ, методу, т. е., какъ говорилось, въ долбяжку, заставляя учить заданные имъ уроки наизусть, слово въ слово съ печатнымъ, а какъ память моя была прекрасная, то мнѣ стоило раза два, три, прочесть урокъ, чтобы моментально его запомнить и, затѣмъ, какъ поцугай, повторить его передъ учителемъ, но, конечно, съ тѣмъ, чтобы вскорѣ совершенно позабыть столь безтолково и наскоро вызубренное. Несмотря на то, лѣнивый учитель и не менѣе лѣнивый ученикъ оставались очень довольные другъ другомъ—Сцепинскій тѣмъ, что я быстро изучалъ все мнѣ преподаваемое, а я—что учитель, отзываясь о мнѣ, какъ о прилежномъ и понятливомъ ученикѣ, доставлялъ мнѣ явныя проявленія постепенно увеличивающейся привязанности ко мнѣ моихъ родителей.

До 1845 года, зимы мы проводили въ Москвѣ, а лѣто въ Петровскомъ паркѣ. Съ этого года, вслѣдствіе усилившейся болѣзни матушки, мы стали круглый годъ жить въ Москвѣ, а дачу, къ великому моему огорченію, отдавать въ наемъ. Я распростился съ любимымъ мною паркомъ и въ замѣнъ привольнаго лѣтняго житья среди роскошной зелени вблизи лѣсовъ ограничивалъ мои прогулки хожденіемъ по пыльнымъ московскимъ улицамъ да гуляньемъ по воскресеньямъ въ Кремлевскомъ саду.

Къ счастью, у насъ былъ собственный тѣнистый садъ, и я часто сиживалъ въ немъ, занимаясь долбленіемъ уроковъ.

Такъ какъ до 1847 года въ моей однообразной дѣтской жизни не произошло никакихъ перемѣнъ, и дни текли почти одинаково: «сегодня, какъ вчера, а завтра, какъ сегодня», то воспользуюсь этимъ промежуткомъ, чтобы обратиться назадъ и рассказать все, что мнѣ было извѣстно относительно службы, литературныхъ занятій и образа жизни автора «Юрія Милославскаго».

¹⁾ Крѣпостной человѣкъ дяди Маркела Николаевича Загоскина, обучавшійся въ то время въ Московскомъ художественномъ училищѣ.

Въ 1830 году, какъ я выше сказалъ, отецъ былъ назначенъ директоромъ московскихъ театровъ и оставался имъ до февраля 1842 года. Театръ, по рассказамъ его современниковъ, никогда еще не находился въ столь цвѣтущемъ состояніи, какъ подъ его начальствомъ; особенно хороша была русская труппа, представителями которой были Щепкинъ, Мочаловъ, Живокини, Васильевъ, Рѣпина, Сабурова и многіе другіе.

Несмотря на прекрасное состояніе театра, нѣкоторая часть публики была не совсѣмъ довольна имъ, въ чемъ я убѣдился изъ разсказа одного изъ пріятелей батюшки, Петра Петровича Новосильцева¹⁾, сообщившаго мнѣ, что однажды, сидя въ директорской ложѣ, вмѣстѣ съ тогдашнимъ московскимъ оберъ-полицмейстеромъ Цынскимъ, онъ былъ свидѣтелемъ вспыльчивости моего отца, вызванной неоднократно замѣчаніемъ начальника полиціи о томъ, что выборъ дирекціею театральныхъ пьесъ дуренъ и большинству москвичей не нравится.

Выведенный изъ терпѣнія этими замѣчаніями, Михаилъ Николаевичъ сдѣлалъ вопросъ: «да, кто же это говоритъ!» «Публика», отвѣтилъ оберъ-полицмейстеръ. — «Публика?—а вы вѣрите ей?» «Еще бы!»—«А я не вѣрю»,—сказалъ отецъ,—«и вотъ почему: та же публика говоритъ, что Москва плохо освѣщена, потому что оберъ-полицмейстеръ воруетъ масло! Согласитесь сами, что послѣ такого вздора можно ли вѣрить нашей публикѣ?»—Разговоръ этотъ, по словамъ Новосильцева, тѣмъ и прекратился при общемъ смѣхѣ всѣхъ присутствующихъ и особенно самого оберъ-полицмейстера, однако слова послѣдняго, конечно, имъ не выдуманна, служили доказательствомъ, что въ то время было немало москвичей, недовольныхъ театромъ, а былъ ли Цынскій дѣйствительно не чистъ на руку или человекъ честный,—мнѣ неизвѣстно, но думаю, что батюшка, вспыльчивый отъ природы и легко выводимый изъ терпѣнія, сказалъ ему эти остроумныя, но непріятныя слова, безъ малѣйшаго желанія оскорбить его и единственно съ цѣлью доказать справедливость пословицы: «не всякому слуху вѣрь».

Актеры, какъ русскіе, такъ и французскіе, любили своего директора и искренно сожалѣли о немъ по оставленіи имъ службы при театрѣ. Какъ директоръ, онъ отличался самою строгою экономіею

¹⁾ Петръ Петровичъ, тогдашній вице-губернаторъ, а впоследствии рязанскій губернаторъ, человекъ умный, любезный и высокообразованный. Въ московскомъ обществѣ его называли «casse-noisette» вслѣдствіе сильно выдававшейся нижней его челюсти. Онъ былъ женатъ два раза: отъ перваго брака съ Мансуровой у него была дочь за княземъ Вяземскимъ и сынъ Иванъ Петровичъ, бывший шталмейстеромъ высочайшаго двора и пользовавшійся до конца своей жизни общою любовью высшаго петербургскаго общества и особымъ милостивымъ расположеніемъ императора Александра III. Отъ втораго брака съ Мероною Александровною Берингъ Петръ Петровичъ имѣлъ дочь Софію въ замужествѣ за французскимъ офицеромъ де-Шангранъ, нынѣ умершимъ.

во всѣхъ театральныхъ расходахъ, особенно при постановкѣ новыхъ оперъ и балетовъ, требовавшихъ иногда значительныхъ издержекъ. Можно утвердительно сказать, что едва ли до него и послѣ него денежные средства московскаго театра были въ такомъ блистательномъ положеніи, какъ во время его директорства и по милости которыхъ онъ могъ, безъ малѣйшаго денежнаго пособія отъ министерства императорскаго двора, построить два театра: одинъ въ Москвѣ, такъ называемый «малый», и другой въ Петровскомъ паркѣ. За соблюденіе значительной экономіи отецъ, втеченіе двѣнадцати управленія театрами, восемь разъ удостоился получить высочайшее благоволеніе. Обращая вниманіе на хозяйственную часть, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, усердно занимался и репертуарною, въ чемъ немало помогаль ему тогдашній инспекторъ репертуара, Алексѣй Николаевичъ Верстовскій, извѣстный композиторъ, для котораго отецъ написалъ нѣсколько либретто оперъ. Ежедневно, утромъ съ 12-ти до 2-хъ часовъ, директоръ находился въ театральной конторѣ, а вечера проводилъ въ театрѣ, большею частью въ своей ложѣ, наблюдая за игрою актеровъ. Въ этой ложѣ постоянно собирались его пріятель и, во время антрактовъ, пили чай. Бывалъ въ ней и бессмертный нашъ поэтъ Пушкинъ, часто пріѣзжавшій погостить въ Москву.

Невзирая на добросовѣстную и усердную службу, отецъ не пользовался расположеніемъ своего начальника, министра императорскаго двора, князя Петра Михайловича Волконскаго, который мало цѣнилъ его и даже дѣлалъ ему замѣчанія за самые ничтожные промахи по управленію театрами, какъ, на примѣръ, за нѣсколько позднее представленіе отчетовъ, за частое разрѣшеніе артистамъ отпусковъ въ Петербургъ и, наконецъ, за врожденную разсѣянность его ¹⁾, по милости которой онъ иногда не могъ вспомнить фамиліи незначительныхъ артистовъ и кордебалетныхъ танцовщицъ, на которыхъ указывалъ министръ, ежегодно посѣщавшій театръ во время своихъ пріѣздовъ въ Москву. При личныхъ же свиданіяхъ съ отцемъ, князь Волконскій былъ всегда вѣжливъ и привѣтливъ и, только по возвращеніи его въ Петербургъ, начинались замѣчанія черезъ посредство директора его канцеляріи В. И. Панаева, передававшаго ихъ Михаилу Николаевичу въ своихъ какъ будто частныхъ и пріятельскихъ письмахъ.

По мнѣнію отца, придирки эти имѣли совершенно другое основаніе, и суть дѣла была въ слѣдующемъ. Князь Волконскій, чело-

¹⁾ Про разсѣянность и, прибавлю, забывчивость, отца, доходившія до того, что онъ иногда не могъ вспомнить имена своихъ сыновей, упоминаетъ С. Т. Аксаковъ въ составленной имъ его біографіи. Аксаковъ, между прочимъ, рассказываетъ, что однажды Михаилъ Николаевичъ, вмѣсто отчета по театру, подаль министру четь своего портного, и что министръ нисколько на то не разсердился. Это дѣйствительно было такъ, и на этотъ разъ князь Волконскій только улыбнулся.

вѣкъ честный, благородный и добрый, имѣлъ одинъ недостатокъ, преобладавшій надъ всѣми его прекрасными качествами: это была неимовѣрная скупость, доходившая до абсурда, когда дѣло касалось выдачи казенныхъ денегъ. Скорбя отъ всего сердца, что казна должна выплачивать пенсіоны актерамъ, безпорочно выслужившимъ опредѣленный для сего срокъ, министръ, въ интересахъ казны, придумалъ слѣдующую мѣру: онъ далъ приказаніе московскому театру, чтобы, въ случаѣ, если актеръ, выслуживающій свою пенсію, будетъ замѣченъ въ какомъ либо даже ничтожномъ проступкѣ, увольнять его отъ службы до срока, безъ пенсіона; а какъ подобные поступки случались не рѣдко и косвенными, неизвѣстными путями доходили до министра, то упомянутыя приказанія повторялись довольно часто, но подъ разными предлогами не приводились въ исполненіе директоромъ, не считавшимъ возможнымъ изъ-за пустяковъ лишать артиста заработаннаго имъ куска хлѣба. Вотъ причина, которая, по мнѣнію отца, навлекла на него неудовольствіе своего начальника, выражавшееся не только мелочными придирками, но и въ оставленіи непокорнаго директора московскихъ театровъ по долгу, въ сравненіи съ петербургскимъ, безъ награды. Невзирая на такія отношенія министра, Михаилъ Николаевичъ не питалъ къ нему никакихъ враждебныхъ чувствъ, а, напротивъ, отзывался о немъ, какъ о прекраснѣйшемъ человѣкѣ, считая себя вполне вознагражденнымъ неизмѣннымъ, милостивымъ вниманіемъ императора Николая Павловича, оказываемымъ ему не только во время пребыванія его величества въ Москвѣ, но и во время пріѣздовъ отца въ С.-Петербургъ.

Въ доказательство особой милости государя къ нему, какъ къ русскому писателю, приведу случай, прекрасно обрисовывающій рыцарскій, благородный характеръ Николая Павловича.

Вскорѣ послѣ назначенія отца директоромъ московскихъ театровъ императоръ съ императрицею прибыли въ Москву. При первомъ посѣщеніи ими театра министръ двора и директоръ находились близъ царскаго подъѣзда, въ коридорѣ, для встрѣчи ихъ величествъ, какъ вдругъ вбѣгаетъ капельдинеръ и докладываетъ, что государь съ государынею уже въ театрѣ, пріѣхали съ бутафорскаго подъѣзда и ходятъ по коридорамъ, отыскивая свою ложу. Пораженные этимъ извѣстіемъ, князь Волконскій и отецъ побѣжали къ ихъ величествамъ и скорѣ встрѣтили ихъ. Государь, ведя подъ руку императрицу, не обращая вниманія на директора, гнѣвнымъ голосомъ сказалъ министру, что недоволенъ порядками въ московскомъ театрѣ, такъ какъ директоръ не потрудился встрѣтить императрицу, и, бросивъ грозный взглядъ на отца, пошелъ съ государынею далѣе къ своей ложѣ, въ сопровожденіи одного только князя Волконскаго, такъ какъ отецъ, считая себя совершенно правымъ, ожидая, вмѣстѣ съ министромъ, августѣйшую чету именно съ того подъѣзда, съ

котораго царская фамилія всегда пріѣзжала, не пошелъ, какъ того требовали этикетъ и его обязанность, проводить ихъ величества до царской ложи, а поспѣшно удалился въ свою. Просидѣвъ цѣлый актъ въ сильномъ волненіи, ожидая плачевныхъ послѣдствій отъ своего неумѣстнаго и необдуманнаго поступка, онъ успокоивалъ себя лишь сознаниемъ своей невинности и еще болѣе рыцарскимъ характеромъ государя, всегда готоваго признать малѣйшую, случайную свою несправедливость. Но, только что наступилъ первый антрактъ, какъ въ ложу вошелъ дежурный флигель-адъютантъ съ повелѣніемъ отцу явиться въ царскую ложу. Въ сильномъ страхѣ, не зная, что ожидать, гнѣва или милости, отецъ пошелъ въ ложу; войдя въ нее и остановясь въ почтительномъ разстояніи, онъ увидалъ обернувшася къ нему государя съ веселою улыбкою на устахъ, приказывающаго ему приблизиться. Затѣмъ, его величество, обратившись къ императрицѣ, сказалъ по-французски, что представляетъ ей Загоскина, какъ отличнаго русскаго писателя, но плохого директора театра, не потрудившагося встрѣтить его при входѣ. Послѣ этихъ словъ, сказанныхъ съ еще большею очаровательною улыбкою, государь, указавъ отцу на стулъ, стоявшій около императрицы, приказалъ ему сѣсть и постараться быть любезнымъ съ ея величествомъ, дабы загладить свой проступокъ¹⁾.

Послѣ этого спектакля, въ продолженіе котораго отецъ сидѣлъ между ихъ величествъ, онъ часто удостоивался быть приглашеннымъ на большіе и малые вечера императрицы въ Николаевскомъ дворцѣ, во все время пребыванія царской фамиліи въ Москвѣ. Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, государь еще разъ доказалъ ему свое милостивое расположеніе слѣдующимъ образомъ. На вечерѣ было немного приглашенныхъ, и всѣ играли «aux petits jeux», и между прочимъ въ «туалетъ». Въ одной игрѣ, какъ извѣстно, по командѣ распорядителя: «весь туалетъ!»—играющіе должны вскакивать съ своихъ мѣстъ и мѣнять ихъ, при чемъ съ того, кто останется безъ мѣста, берется фантъ. Императоръ былъ распорядителемъ игры и, стоя на стулѣ, scomандовалъ «весь туалетъ!»—всѣ вскочили съ своихъ стульевъ и начали искать другіе; въ концѣ зала оставался лишь одинъ порожній стулъ, къ которому стремглавъ побѣжала императрица, но отецъ опередилъ ее и такъ быстро сѣлъ на стулъ на свободное мѣсто, что государыня чуть не упала на его колѣна. По окончаніи игры, министръ двора подошелъ къ Михаилу Николаеву и замѣтилъ ему, что не слѣдовало опережать императрицу, а еще менѣе отнимать у нея стулъ. Замѣчаніе это было сдѣлано настолько громко и съ такимъ недовольнымъ лицомъ, что не скры-

¹⁾ Подлинныя слова государя я не могу привести здѣсь буквально, такъ какъ они не были записаны отцомъ, а только приблизительно переданы мнѣ во время неоднократныхъ его рассказовъ объ этомъ великодушномъ поступкѣ его величества.

дось отъ Николая Павловича, который, подозвавъ отца, пожелалъ узнать, о чемъ съ нимъ такъ горячо разговаривалъ министр. Отецъ передалъ его величеству, слово въ слово, замѣчаніе князя Волконскаго, на что государь отвѣтилъ, что снова начнетъ ту же игру и приказываетъ ему опять отнять мѣсто у императрицы. Игра началась, и когда высочайшее повелѣніе было исполнено, то его величество, захлопавъ въ ладоши, громко вскрикнулъ: «браво, браво, Загоскинъ!»

Прослуживъ довольно долго директоромъ театровъ, батюшка сталъ тяготиться этою должностію и сопряженными съ нею мелкими, но частыми непріятностями, а еще болѣе обязательнымъ, ежедневнымъ посѣщеніемъ спектаклей, и потому, въ 1840 году, рѣшился всеподданнѣйшимъ письмомъ просить государя объ увольненіи его отъ занимаемой имъ должности и о назначеніи его почетнымъ опекуномъ московскаго опекунскаго совѣта. На это письмо послѣдовалъ отъ министра двора отзывъ, что «государь императоръ, оставаясь доволенъ его службою при театрѣ, желаетъ, чтобы онъ продолжалъ оную, тѣмъ болѣе, что строящійся въ Москвѣ театр (малый) долженъ быть оконченъ при немъ». Ходатайство отца не прошло, однако, ему даромъ: министр и тутъ нашелъ нужнымъ сдѣлать ему замѣчаніе за то, что онъ осмѣлился обратиться съ своимъ прошеніемъ прямо къ государю, помимо своего начальства.

Обрадованный милостивымъ одобреніемъ монарха и мало огорченный выговоромъ министра, Михайлъ Николаевичъ остался въ своей должності до окончанія постройки въ 1842-мъ г. малаго театра и тогда уже, въ виду открывшейся вакансіи директора оружейной палаты, немедленно вошелъ съ прошеніемъ и, конечно, на этотъ разъ черезъ министра двора, о перемѣщеніи его на означенную должность или же объ увольненіи вовсе отъ службы. Несмотря на ходатайство многихъ лицъ, добивавшихся этого спокойнаго и почетнаго мѣста, государь милостиво исполнилъ желаніе отца и назначилъ его директоромъ оружейной палаты.

Такимъ образомъ, въ февралѣ 1842-го года, отецъ, покинувъ надобвшую ему донельзя службу при театрѣ, занялъ мѣсто не административное, почти безъ всякихъ занятій, но доставившее ему, кромѣ желаннаго отдыха, и много свободнаго времени для литературныхъ его работъ. При увольненіи изъ театра, государь предоставилъ ему, какъ я выше сказалъ, кресло во всѣхъ театрахъ, но театръ до того опротивѣлъ ему, что онъ въ теченіе всей остальной своей жизни воспользовался этимъ правомъ всего разъ—въ день представленія пьесы Константина Аксакова «Освобожденная Москва», и то только вслѣдствіе усиленной просьбы самого автора и, затѣмъ, былъ еще два раза въ маломъ театрѣ, но въ директорской ложѣ, во дни представленій собственныхъ его двухъ комедій: «Поѣздка за границу» и «Женатый женихъ». Авторское же кресло онъ пере-

далъ въ распоряженіе моихъ братьевъ, но они не столько пользовались имъ сами, какъ давали его въ пользованіе своихъ знакомыхъ.

За службу при театрѣ Михаилъ Николаевичъ получилъ, кромѣ вышеупомянутыхъ высочайшихъ благоволеній, чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и орденъ св. Владиміра 3-й степени, а за постройку малаго театра—табакерку, осыпанную брильянтами съ вензелевымъ изображеніемъ имени его величества.

Въ должности директора оружейной палаты онъ оставался до конца своей жизни подъ начальствомъ того же князя Волконскаго, но уже не получалъ отъ него ни выговоровъ, ни замѣчаній и то, вѣроятно, только потому, что оружіе и драгоценности палаты мирно лежали на своихъ мѣстахъ, а стоявшіе въ ней восковые всадники въ старинныхъ, русскихъ доспѣхахъ не требовали ни отпусковъ, ни пенсій.

Служба отца состояла лишь въ томъ, что онъ, два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и четвергамъ, т. е. въ дни, назначенные для обзрѣнія публикою оружейной палаты, и оводилъ въ ней утро съ 12-ти до 2-хъ часовъ, а такъ какъ объясненія публикѣ давались имъ лично, то популярность его въ Москвѣ стала съ этого времени сильно возрастать; прежде знали его тамъ только, какъ автора «Юрія Милославскаго», а со времени назначенія его директоромъ оружейной палаты, можно утвердительно сказать, что всѣ москвичи знали его въ лицо и многіе считали даже долгомъ, при встрѣчѣ на улицѣ кланяться ему. Въ помощники ему былъ опредѣленъ извѣстный въ то время писатель Александръ Оомичъ Вельтманъ (авторъ «Кащея Безсмертнаго» и другихъ романовъ), знатокъ и любитель русской старины, составившій, впоследствии, печатный «обзоръ оружейной палаты». Въ числѣ чиновниковъ, находился также чрезвычайно образованный, трудолюбивый и умный молодой человекъ, Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, нынѣ заслужившій своими замѣчательными историческими трудами громкую и почетную извѣстность во всей Россіи. Всѣ чиновники пользовались казенными квартирами, а директоръ имѣлъ прекрасное, большое помѣщеніе въ кавалерскомъ корпусѣ въ Кремлѣ, но отецъ отказался отъ квартиры, не желая лишать матушку своего сада, а также предпочитая всѣмъ казеннымъ квартирамъ свободную и ничѣмъ не стѣсняемую жизнь въ собственномъ домѣ.

Новая служба Михаила Николаевича шла весьма однообразно, не представляя никакого особаго интереса, и потому мнѣ остается только сказать, что государь, во всѣ пріѣзды въ Москву, постоянно посѣщалъ оружейную палату и попрежнему былъ къ нему милостивъ, а въ 1845 г. пожаловалъ ему орденъ св. Станислава 1-й степени. Эта первая лента, полученная отцомъ, не столько, безъ сомнѣнія, порадовала его, какъ меня. Не знаю почему, но мнѣ было обидно видѣть отца безъ ленты, и я пришелъ въ великій восторгъ,

узнавъ, что онъ будетъ ходить со звѣздою, подобно своимъ знакомымъ, занимавшимъ въ Москвѣ какой либо начальнической постъ и уже давнымъ давно со звѣздою путешествующимъ.

Разсказавъ почти все, что я припомню о службѣ отца до 1847 года, я не могу не упомянуть объ одномъ обстоятельстве, слышанномъ мною отъ него самого, а именно, что въ 30 годахъ (въ какомъ году, не помню) тогдашній шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ, бывшій съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, предлагалъ ему занять одинъ важный постъ въ III Отдѣленіи, съ переименованіемъ его въ военный чинъ. Отецъ, поблагодаривъ графа за довѣріе, отвѣчалъ, что не чувствуетъ себя способнымъ къ исполненію такой должности и, сверхъ того, не желаетъ удивить публику извѣстіемъ, что авторъ «Юрія Милославскаго» надѣлъ голубой мундиръ! Предложеніе это было, конечно, сдѣлано не безъ вѣдома государя, всегда желавшаго имѣть въ числѣ высшихъ лицъ созданнаго имъ III Отдѣленія людей вполне честныхъ и благородныхъ и каковымъ, по всей справедливости, его величество считалъ моего отца.

Переходя теперь къ литературнымъ занятіямъ батюшки за періодъ времени съ появленія «Рославлева» до моего отрочества, я ограничусь лишь спискомъ всего имъ написаннаго и изданнаго по 1847 годъ, такъ какъ каждое его произведеніе давно уже оцѣнено не только критиками, но и публикою.

Послѣ «Юрія Милославскаго» и «Рославлева» Михаилъ Николаевичъ написалъ въ 1833 г. романъ «Аскольдова могила», а въ 1835 г. сдѣлалъ изъ него либретто для оперы Верстовскаго подъ тѣмъ же названіемъ и въ томъ же году, написалъ два тома повѣстей; затѣмъ, въ 1838 г., издалъ романъ «Искуситель». Этотъ романъ онъ считалъ самымъ слабымъ своимъ произведеніемъ, увѣряя, что писалъ его единственно съ цѣлью позабавить себя описаніемъ своего дѣтства и мѣстности, въ которой провелъ первые года своей жизни. Въ 1839 г., вышло новое его произведеніе—романъ «Тоска по одинѣ», изъ котораго онъ сдѣлалъ, въ томъ же году, либретто для оперы Верстовскаго; но опера эта не имѣла ни малѣйшаго успѣха. Съ 1837 по 1842 годъ, отецъ написалъ комедіи «Недовольные» (въ стихахъ) и «Урокъ матушкамъ», а въ 1842 г. романъ «Кузьма Петровичъ Мирошевъ». Романъ этотъ хотя и былъ однимъ изъ лучшихъ его произведеній, однако не заслужилъ особаго вниманія публики; зато чрезвычайно понравился императору Николаю Павловичу, который повелѣлъ министру двора объявить Мих. Ник.—чу, что его величество находитъ этотъ романъ лучшимъ его произведеніемъ, не исключая даже и «Юрія Милославскаго». Въ томъ же году, онъ издалъ первый выпускъ «Москвы и москвичей», а въ 1844 г. второй выпускъ той же книги и, наконецъ, въ 1846 г. романъ «Брынскій лѣсъ».

Вотъ, кажется, перечень всѣхъ произведеній отца, изданныхъ имъ по 1847 годъ.

Что касается домашней жизни батюшки, то расскажу все, что мнѣ стало извѣстнымъ съ тѣхъ поръ, что я началъ часто видѣть его т. е. со времени назначенія его директоромъ оружейной палаты. До того, вслѣдствіе постоянныхъ его служебныхъ занятій и ежедневныхъ вечернихъ выѣздовъ, я мало видалъ его; притомъ, мой ребяческій возрастъ не давалъ мнѣ возможности ни запомнить, ни даже узнать всѣхъ мелочей его домашней жизни.

День отца распредѣленъ былъ чрезвычайно аккуратно: онъ вставалъ часовъ въ восемь, бралъ ежедневно холодный душъ и, затѣмъ, отправлялся въ свою молельню, гдѣ оставался около часа. Молельня его, находившаяся въ антресоляхъ нашего дома, походила на маленькую часовню. Всѣ стѣны были покрыты образами въ ризахъ и въ особыхъ кивотахъ, передъ которыми теплились лампы. Въ одномъ углу стоялъ аналой съ евангеліемъ и крестомъ и столикъ съ молитвенными книгами. Въ эту комнату онъ удалялся не только утромъ и вечеромъ, но нерѣдко и днемъ. Послѣ молитвы онъ пилъ чай. Не могу не упомянуть объ этомъ чаѣ, — думаю, что никогда и никто не пилъ такого страннаго напитка, приготовлявшагося самимъ отцомъ: онъ клалъ въ небольшой металлическій чайникъ огромное количество дешеваго, чернаго чая и кипятилъ его до тѣхъ поръ, пока чай начиналъ самъ выливаться изъ чайника въ чашку. Этотъ напитокъ, имѣвшій запахъ паренаго сѣна, такъ нравился отцу, что въ гостяхъ онъ не могъ пить другого чая, находя его безвкуснымъ. Выпивъ двѣ чашки такого ужаснаго настоя, онъ занимался ежедневно приготовленіемъ себѣ, тоже особымъ способомъ, дневной порціи нюхательнаго, французскаго табака, растирая его съ прибавленіемъ нашатырнаго спирта и трюфельнаго сока; табакъ этотъ такъ прельщалъ его пріятелей, табаконюхателей, что, при встрѣчѣ ихъ съ батюшкою, они съ жадностью набивали свои носы этимъ, по ихъ выраженію, «нектаромъ», способъ приготовленія котораго онъ тщательно отъ всѣхъ скрывалъ. Окончивъ операціи съ табакомъ, отецъ шелъ въ свой рабочій кабинетъ, гдѣ и занимался до двухъ часовъ дня, и тогда никто изъ семьи не смѣлъ тревожить его. Занятія его не ерывались только пріѣздомъ какого либо гостя-писателя или пріятеля-москвича. Въ два часа онъ выѣзжалъ съ визитами и, возвращаясь всегда къ четыремъ, садился за обѣдъ, одинъ, въ своемъ кабинетѣ. Онъ рѣдко обѣдалъ съ семействомъ, потому что кушалъ позднѣе всѣхъ и любилъ, во время обѣда, надѣвать халатъ, а между блюдами читать газеты и журналы. Кушанья подавались преимущественно русскія, жирныя и тяжелыя; водки онъ совсѣмъ не употреблялъ и пилъ мало иностраннаго вина, но за то много воды со льдомъ, считая ледяную воду самымъ пріятнымъ и здоровымъ

напиткомъ. Когда же появились въ продажѣ крымскія воронцовскія вина, то они не сходили съ его стола. Отецъ радовался, что, наконецъ, русскіе могутъ пить свое собственное вино и, хотя многіе находили вино это невкуснымъ, но онъ съ удовольствіемъ пилъ какое нибудь рублевое «Ай-Данило», предпочитая его всякому дорогому французскому «Шато д'Икему». Послѣ обѣда онъ отдыхалъ не болѣе часа и потомъ занимался чтеніемъ и, въ девять часовъ, уѣзжалъ на вечеръ, балъ или въ англійскій клубъ, гдѣ игралъ, по маленькой, въ вистъ, преферансъ или мушку. Въ промежутокъ времени, между занятіями, и до и послѣ выѣздовъ, онъ заходилъ къ матушкѣ и проводилъ съ нею нѣсколько времени, а по возвращеніи домой съ вечера или изъ клуба сидѣлъ у нея до двухъ часовъ ночи, рассказывая о всемъ, что слышалъ и видѣлъ въ теченіе дня, при чемъ часто присутствовали мои братья и я.

Такой образъ жизни нѣсколько измѣнялся въ лѣтнее время, когда мы стали проводить лѣто въ Москвѣ, такъ какъ тогда, если погода позволяла, батюшка посвящалъ все послѣобѣденное время верховой ѣздѣ или прогулкамъ въ кабриолетѣ по окрестностямъ Москвы. Онъ правилъ самъ, хотя былъ весьма близорукимъ; кабриолетная лошадь его была приучена останавливаться, по собственному ея усмотрѣнію, передъ каждою канавкою или рытвиною, что она весьма прилежно исполняла. Любимыми прогулками его были: Воробьевы горы, Петровскій паркъ, Сокольники и дача «Студенецъ», на послѣднюю онъ ѣздилъ единственно съ цѣлью напиться холодной, знаменитой, ключевой, трехгорной воды. Зимой отецъ иногда устраивалъ въ своемъ кабинетѣ литературные вечера, на которые въ то время я еще не допускался, и знаю только по наслышкѣ, что у него бывали: Гоголь, Аксаковы, Дмитріевъ, Сушковъ, Павловъ, Погодинъ, Вельтманъ и другіе, а изрѣдка и какой нибудь пріѣзжій изъ Петербурга писатель или журналистъ. Послѣ чтенія, нѣкоторые гости садились играть въ карты, и затѣмъ вся компанія угощалась сытнымъ ужиномъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ произошелъ забавный случай съ Константиномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ. Какъ извѣстно, этотъ въ то время еще совсѣмъ молодой человекъ былъ восторженнымъ славянофиломъ и ненавидѣлъ все иностранное, отдавая во всемъ преимущество родному, русскому. Въ этотъ вечеръ въ сильнѣйшій морозъ у батюшки собралось нѣсколько литераторовъ и Константинъ Сергѣевичъ. Кто-то изъ присутствующихъ имѣлъ неосторожность сказать, что холода стоятъ ужасные, и было бы пріятнѣе находиться гдѣ нибудь въ Италіи, а не въ Москвѣ. Аксаковъ вспыхнулъ, началъ превозносить московскій морозъ и, въ доказательство, что холодъ для русскаго человека пріятенъ, здоровъ и живителенъ, отворилъ форточку, высунулъ въ нее голову и сталъ вдыхать холодный воздухъ. На замѣчаніе моего отца, что въ такой жестокой

морозъ легко можно простудиться, Аксаковъ не обратилъ никакого вниманія, продолжая оставаться въ томъ же положеніи и громко восхваляя прелесть російскаго мороза. Наконецъ, минутъ черезъ десять, по настоянію гостей онъ выльзъ изъ форточки и, къ великому своему удивленію и общему смѣху, почувствовалъ и увидалъ, что кончикъ его носа отмороженъ!..

Когда у батюшки бывали литературные вечера, то до пріѣзда гостей я любилъ сидѣть въ его большомъ кабинетѣ, освѣщенномъ лампами и множествомъ свѣчей, и любоваться яркимъ его освѣщеніемъ, такъ какъ въ другіе дни кабинетъ освѣщался лишь двумя восковыми свѣчами и темнотою своею наводилъ на меня великій страхъ: во мракѣ, какъ-то страшно выглядывали съ верхушекъ книжныхъ шкафовъ большіе, окрашенные въ черную краску бюсты Гомера, Сократа и другихъ мудрецовъ...

При появленіи перваго гостя, меня отсылали къ матушкѣ, но вскорѣ я отъ нея уходилъ и, пробравшись потихоньку къ закрытымъ дверямъ кабинета, подолгу стоялъ, подслушивая чтеніе писателей, хотя, въ сущности, ничего не могъ разслышать, а еще менѣе понять.

Одинъ день въ году, 8-е ноября, именины отца, я всегда ожидалъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Къ этому дню всѣ пріемныя комнаты особенно тщательно чистились и прибирались, а въ самыя именины кабинетъ батюшки переполнялся гостями, которыхъ въ это утро пріѣзжало иногда болѣе ста человекъ. Въ 4 часа подавался обѣдъ; къ нему приглашались только родственники и близкіе знакомые, а какъ, по случаю семейнаго праздника, я допускался во всѣ комнаты и за обѣдомъ сидѣлъ со всѣми, то день этотъ доставлялъ мнѣ невыразимое удовольствіе при видѣ множества гостей, изъ которыхъ большая часть считала долгомъ потрепать меня по щекѣ или поцѣловать въ лобъ.

У батюшки были нѣкоторые предрасудки, свойственные, впрочемъ, многимъ людямъ: онъ никогда не зажигалъ трехъ свѣчей, не терпѣлъ за столомъ тринадцати человекъ и не любилъ начинать какое либо дѣло въ пятницу. Сверхъ того, не носилъ платья изъ чернаго сукна; всѣ его фраки, сюртуки и шубы были темно-зеленаго, синяго или вишневаго цвѣта. Черный цвѣтъ онъ ненавидѣлъ, увѣряя всѣхъ, что въ молодости, когда ему случалось сдѣлать черное платье, то вслѣдъ за тѣмъ всякій разъ слѣдовалъ для него трауръ. Вообще, онъ одѣвался, съ тѣхъ поръ какъ я сталъ его помнить, по-стариковски и любилъ носить платья, свободно сшитыя, не стѣснявшія его движеній, заказывая ихъ у русскаго портного, а отнюдь не у иностранца. Шляпа его была оригинальная и единственная во всей Москвѣ: она была съ крайне низенькою тульею и огромными полями, зимою—черная, а лѣтомъ сѣрая или соломенная. Шляпа эта такъ бросалась всѣмъ въ глаза, что однажды, въ

1851 г., государь наследникъ Александръ Николаевичъ, при посѣщеніи оружейной палаты, замѣтивъ ее въ рукахъ отца, обратился къ нему съ вопросомъ, зачѣмъ онъ носитъ шляпу въ родѣ карбонарской,—отецъ отвѣтилъ: «моя шляпа, ваше высочество, полезна: лѣтомъ защищаетъ лице отъ солнца, а зимою отъ снѣга», и, указывая на сопровождавшаго великаго князя, гофмаршала его двора В. Д. Олсуфьева, державшаго въ рукахъ обыкновенный, высокій цилиндръ, прибавилъ,—«а вотъ шляпа у Василья Дмитріевича точно каланча, годная только для вывѣшиванія пожарныхъ знаковъ». Наследникъ очень смѣялся этому сравненію.

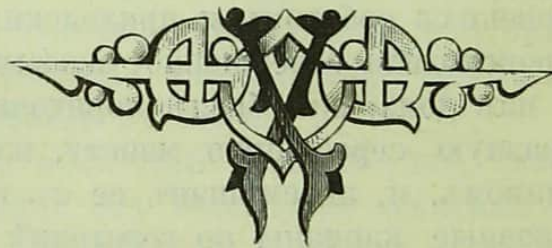
Въ описываемое мною время родители мои не были богаты, но имѣли совершенно достаточное состояніе, позволявшее имъ жить прилично. Изъ получаемыхъ съ имѣній доходовъ и изъ своего жалованья батюшка не тратилъ на себя ни единой копейки, а ограничивался, для своихъ личныхъ расходовъ, зарабатываемыми имъ деньгами, изъ которыхъ нѣкоторая часть шла на заказы разныхъ шкатулокъ, бауловъ, погребцовъ и, особенно, лукутинскихъ табакерокъ; до послѣднихъ онъ былъ страстный охотникъ и имѣлъ значительную ихъ коллекцію. Можно положительно сказать, что онъ былъ однимъ изъ первыхъ москвичей, пустившихъ въ ходъ лукутинскія издѣлія, сдѣлавшіяся, впослѣдствіи, столь знаменитыми, тѣмъ болѣе что почти всегда придумывалъ самъ рисунки и формы для табакерокъ. Значительная же часть его собственныхъ доходовъ шла на помощь бѣднымъ: каждую субботу дворъ нашего дома наполнялся нищими, которымъ камердинеръ отца раздавалъ мѣдные деньги, по пятаку каждому, а передъ большими праздниками отецъ самъ, лично, раздавалъ милостыню всѣмъ нищимъ и убогимъ, попадавшимся ему на улицахъ или во множествѣ всегда стоявшимъ у папертей кремлевскихъ соборовъ и приходскихъ церквей.

Раздача эта происходила совершенно особымъ и необычнымъ образомъ: выходя изъ дома, онъ бралъ порядочную сумму денегъ, размѣнен ую на разную серебряную монету, начиная съ пятачка и кончая полтинникомъ, и, перемѣшавъ ее съ нѣсколькими золотыми, клалъ въ разные карманы по горсточкѣ смѣшанныхъ монетъ. Встрѣчая нищаго, онъ вынималъ изъ кармана первую попавшуюся монету и отдавалъ ее, продолжая эту выдачу до послѣдней копейки. Оказываемую такимъ образомъ помощь бѣднымъ батюшка тщательно отъ всѣхъ скрывалъ, и только когда я, случайно узнавъ о томъ, спросилъ, почему онъ раздаетъ милостыню, не зная, кому достанется пятачекъ, а кому золотой, то отецъ отвѣтилъ: «я хочу помочь бѣднымъ, встрѣчаемымъ мною на улицѣ, но не знаю, кто нуждается въ большей или меньшей помощи, и потому, перемѣшавъ монеты вмѣстѣ, предоставляю самой судьбѣ распредѣлить ихъ, какъ ей заблагоразсудится, въ полной увѣренности, что Богъ подастъ всякому, сколько слѣдуетъ».

Любя ближняго и помогая ему своими трудовыми деньгами, батюшка всегда нравственно страдалъ, когда не могъ дать въ займы просимую къмъ либо у него сумму и всячески извинялся передъ просителемъ, какъ бы считая себя передъ нимъ виноватымъ. Будучи высоко честенъ и дѣтски довѣрчивъ, онъ никакъ не могъ допустить, чтобы, взявъ деньги въ займы, можно не отдать ихъ. Однажды, ссудивъ одного ловкаго господина десятью тысячами рублей ассигнаціями, безъ всякой расписки, подъ честное слово, что деньги черезъ годъ будутъ возвращены, отецъ, хотя и не получилъ ихъ обратно, однако постоянно старался обфлить этого господина, увѣряя, что, если онъ не отдалъ долга, то потому, что не могъ отдать его; а между тѣмъ было извѣстно, что кредиторъ его имѣлъ состояніе и ловко воспользовался добротою отца, чтобы выманить, подъ видомъ крайности, значительную сумму денегъ и, затѣмъ, конечно, подобно всѣмъ свѣтскимъ мазурикамъ, не разъ посмѣяться надъ добротою честнаго человѣка. Совершенно правъ С. Т. Аксаковъ, сказавъ объ отцѣ въ составленной имъ біографіи его, что, «дѣлая много добра, онъ никогда не помнилъ о томъ; ему пріятно было, если помнили другіе, и пріятно только потому, что онъ радовался душою, находя въ людяхъ добрыя качества».

С. Загоскинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

МАШКЕРАДЪ.

(Историческій разсказъ).

I.

ЛИ девяностые годы XVIII вѣка.

Въ одномъ изъ глухихъ приволжскихъ намѣстничествъ хорошо была извѣстна всѣмъ въ округѣ большая вотчина князей Можайскихъ, именитыхъ и старинныхъ дворянъ, ведущихъ свой родъ чуть ли не со временъ Иоанна Калиты.

Столѣтнія, барскія палаты, огромныя, окруженныя красивыми каменными службами, были выстроены еще во времена Годунова, и князья всегда жили въ своей вотчинѣ, но теперь за все долготѣнее царствование императрицы Екатерины Алексѣевны палаты стояли пустыя, и во всей усадьбѣ было мертво-тихо, а всѣмъ распоряжался управляющій изъ княжихъ крѣпостныхъ.

Но въ день смерти знаменитаго князя Таврическаго его любимецъ князь Можайскій вдругъ появился въ давно забытой вотчинѣ съ женой, двадцатилѣтнимъ сыномъ и семнадцатилѣтней дочерью, а съ ними, конечно, цѣлый штатъ приживальщиковъ обоего пола. Домъ полный, какъ чаша, былъ все-таки наскоро снаружи подновленъ, а внутри отдѣланъ заново.

Усадьба и большое село, по прозвищу Сакмарское, ожили и казались люднымъ уѣзднымъ городкомъ.

Явились владѣльцы внезапно, неожиданно для себя и поневолѣ. Причина была «пустяковская», но особенная...

